

Виктор Кагермазов

*Дикая урша -
лакоисство Ведьмы*

16+

Виктор Кагермазов

**Дикая груша – лакомство
Ведьмы. Сборник рассказов**

«Автор»

2017

Кагермазов В. К.

Дикая груша – лакомство Ведьмы. Сборник рассказов /
В. К. Кагермазов — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-12194-2

Рассказы о мистических событиях, которые происходили, происходят и будут происходить в жизни людей! Описываются знания, которыми обладали наши бабушки и прабабушки. А также интересные рассказы бабушек про ведьм и колдуний, про всевозможные заговоры, заклинания.

ISBN 978-5-532-12194-2

© Кагермазов В. К., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Повесть о ведьме Сумчихе	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктор Кагермазов

Дикая груша – лакомство Ведьмы. Сборник рассказов

От автора

Уважаемые читатели! Друзья! В моих рассказах я попытался уйти от общепринятых норм, мне хотелось передать такое состояние души, которое заставляет грустить, и не только грустить, а даже как бы чувствовать внутреннюю вибрацию, вплоть до досады! Не знаю, может, конечно, где-то и жестко, но хотелось вскрыть, чтобы душа задрожала немного, ведь именно такое состояние души не даёт ей черстветь, не даёт стать равнодушным! Я раньше думал, почему старинные русские народные песни иногда бывают такие печальные? А ведь всё для того же, чтобы душа не черствела, чтобы поплакала, само очистилась!

В моих рассказах я попытался раскрыть то, что всегда жило в народе как что-то отдельное, суеверное, разговоры и рассказы бабушек про ведьм и колдуний, про всевозможные наговоры, заговоры, и разные заклинания, в общем, про так сказать, народную мистику, или вернее, мистику от народа.

Теперь, что касается самих рассказов.

В рассказе о ведьме Сумчихе мне хотелось создать такой образ ведьмы, который совсем бы не был похож ни на один созданный ранее, поэтому моя ведьма Сумчиха не только жёсткая колдунья, но она ещё и может почитать стихи, блеснуть эрудицией, пофилософствовать, да и просто она понимает жизнь без лишних красок.

На рассказ «Гребень со старого кладбища» меня подтолкнула поездка в предгорье Кубани, в дальний хутор Синюха. Мы шли, и вдруг между двух горных гряд я увидел заброшенное кладбище, маленькое, очень старое, на нём виднелся всего один лишь крест, наклоненный, необычный, даже больше похожий на ирландские кресты, остальное всё было заросшее кустами и высокой травой. Всё выглядело очень грустно, даже печально. Но сама энергетика тех мест показалась мне необычной, особенной. Вот так родилась окрома, то есть особое место. А всё вместе послужило для рассказа «Гребень со старого кладбища»

Рассказ «Жизнь Пантелеймона» – особая история, это своеобразный образ человека, настолько необычного, что вызывает букет эмоций, от отвращения до жалости. У этого героя реальные прототипы, из двух я создал один.

В этот рассказ я вложил столько жизненной тени, чтобы человек из сумерек посмотрел на яркий свет и задумался, кто счастлив в этом мире. По задумке образ Пантелеймона должен долго не покидать вас.

Рассказ «Свидание с опозданием на 21 год». В его основу легли разговоры женщин, услышанные мною в жизни. Частые сожаления о прошедшем, сожаления о непонятых чувствах – вот я и решил написать такой грустный рассказ. Кому-то он напомнит первую любовь, другим ещё что-то, но вызвать рассказ должен не жалость о прошедшем, а, наоборот, желание собраться и жить, но жить по-другому, более ярко, для души.

В рассказе «Три вероятности» хотелось показать варианты судеб. У меня ещё в молодости погиб друг, настоящий друг, вместе служили. Вот я и подумал: а что если бы он не поехал в другой город поработать? Может судьба сложилась бы по-иному?

Некоторые рассказы короткие, но это намеренно, они должны как ковшик холодной воды, так сказать, освежить душу, но не охладить. Дальше я хочу продолжить два рассказа – про ведьму Сумчиху и «Гребень со старого кладбища», будет и отдельная книга «Семь кругов над Русью».

Как получилось – судить вам!

Повесть о ведьме Сумчихе

Пролог

Июль 1917 года. К хуторскому кладбищу по грунтовой, пыльной дороге, приближалась тёмно-коричневая повозка, вся украшенная диковинной резьбой, по её углам почти на два локтя возвышались изящные резные головы пантер. Повозка была накрыта бархатным покрывалом красного цвета, обрамлённое чёрной бахромой. По кромке покрывала были вышиты чёрные витые зигзаги в виде согнутых змей, сверху стоял красный гроб, с такими же чёрными витыми зигзагами по бортику. День выдался безветренным, было необычайно тихо, за повозкой тянулся пыльный шлейф.

Извозчика на повозке не было, кони шли сами, будто знали эту печальную дорогу последнего пути человека. Чуть позади, по обочине, шли четверо мужчин в тёмных длиннополох одеждах, в странных чёрных шапках, похожих на скифские.

В руках они держали шесты метра по два длиной. Процессия остановилась у ограды кладбища, сама ограда была сделана из обреза кругляка, корой на внешнюю сторону и выглядела мрачно. Один из сопровождающих долго ходил, что-то искал, потом подал знак, махнув шапкой. Повозка подъехала к указанному месту. Четверо мужчин, сопровождающих повозку, стали рыть могилу. Копали быстро, будто перед ними был рыхлый песок, а не твёрдая земля. Вскоре был виден лишь один свежий выкид земли, сами же копающие скрылись вглубь. Тёмная одежда делала их похожими на огромных кротов, да и копали они с таким же усердием. Закончив копать, они стали по углам ямы, и стали ждать нужное время. Лица их были как каменные, не выражали никаких эмоций.

Пока они ждали, к кладбищу слетелась огромная стая ворон. Птицы мрачно, не издавая звуков, кружили вверху над кладбищем, шум тысяч крыльев опускался вниз, словно там, в вышине крутилась большая мельница. Этот звук с еле слышным подсвистом заполнял всё вокруг.

Едва солнце коснулось вершин деревьев, могильщики достали из клетки, стоявшей на повозке, четырёх ворон, надрезав им грудину, вынули ещё бьющиеся сердца птиц, и, завернув их в чёрную шерсть, положили по углам гроба. Истощенный крик умирающих птиц взбудоражил всех кружащих вверху ворон, поднялся страшный гвалт, все крики огромной стаи слились в один мерзкий по звучанию звук. Арк... ..а... ар... Вороны, встревоженные, всё кружили и кружили, пока не образовали что-то похожее на большую чёрную спираль, и вдруг откуда-то сверху луч синеватого света, пройдя сквозь эту спираль из птиц, осветил гроб. Могильщики быстро опустили гроб в яму. Птиц, у которых вырвали сердце, обезглавили и бросили в левый угол могилы. После этого гроб поставили в нишу, проделанную в западной стенке ямы, и закрыли шкурой белого козла. Саму же яму, и дно, и стенки устелили коврами, поставили дорогую посуду и другие вещи всё, что могло понадобиться умершей колдунье в загробном мире.

Могилу забросали землёй, сверху постелили красное покрывало, снятое с повозки. Наступил особый час вечера, в народе его часто по ошибке называют «часом волка». По углам могилы были воткнуты длинные шесты, затем могильщики взяли ещё четырёх ворон из клетки и нанизали их на эти шесты, но так, чтобы они ещё долго мучались и дёргались в дикой пляски смерти. Затем они разложили на покрывале символ в виде ромба из кусочков мяса сыча и вороны, и уже почти в полной темноте пошли по кладбищу, кидая на каждую могилу по пёрышку сыча и вороны. Вскоре вокруг новой могилы собрались призраки, они плотным кольцом обступили свежий холмик. Да! Они поняли, кого сегодня погребли в этой могиле, теперь и у них будет проводник в мир живых людей.

Начало

Там, где небольшая речка Серебрянка впадает в озерцо Жива, перед прозванным в народе Тёмным лесом, приютился красивый хутор Серебряная Живица, хутор глухой, стоящий далеко от других поселений.

Люди в основном здесь занимались своим хозяйством и без необходимости в город не ездили, да и дорога такая, что лишний раз и не захочешь ехать. Новости приходили сюда с большим опозданием – действительно, что окраина. Но вот что интересно: почему-то никто отсюда никогда не уезжал в другие места. В Живицу даже, наоборот, многих притягивало. Видно не напрасно говорили старики, что раньше, в стародавние времена, это место называли Живот. Что-то как будто всегда оберегало его, и всё лихое обходило стороной. А вообще место уютное, правда, улочки в нём были почему-то кривые, но зато просторные и утопали в зелени. Особенно было много сирени, весной её аромат разносился по улочкам, заполняя всё вокруг таким необыкновенно приятным запахом. Если кто-то с чужой стороны попадал сюда, то сразу подмечал, что тут и впрямь всё дышало стариной, было каким-то тёплым, заповедным. А ещё в Живице хуторские каждый вечер, по старому обычаю, все выходили из своих дворов, пройти по улочкам, да не просто пройти, а, как раньше, во всём самом нарядном, чинно поздороваться с поклоном в пояс.

Управившись с домашними делами, они высыпали на улицы, молодёжь почти всегда заводила танцы, старшие просто стояли и обсуждали житейские дела. Так было заведено с давнего времени, так оно идёт и поныне.

В этот вечер вышла и Сумчиха (так в народе звали бабу Сумохину). Поговаривали, что она ведьма и сильно боялись её. Она шла медленно, что-то бормоча, из под старого коричневого с длинной бахромой платка блестели глаза с чёрными непроницаемыми зрачками, в них холод, презрение и колючесть. Резкое очертание губ выдавало в ней высокомерие, хищный нос говорил о решимости и воле, тонкие, еле заметные мелкие морщины сплошь покрывали её бледное лицо.

В общем, её лицо выглядело каким-то зловещим, и надменным. Её приветствие «здравь» больше звучало как предупреждение, и почему-то было всегда неожиданно пугающим.

Люди при возможности избегали встречи с ней, обходили стороной, но она всегда непостижимым образом нагоняла и пристально, не мигая, смотрела им в глаза, вызывая дрожь и холод у всех хуторян. Но сегодня она прошла никого, не окликнув, и зайдя в тень, что отбрасывала её небольшая хата, словно растворилась в этой мрачной тени. Иногда Сумчиха подолгу не выходила из своей старенькой хаты, которая стояла под огромной раскидистой дикой грушей, и только тусклый свет, горевший до утра в её маленьком окошке, выдавал, что она дома и не спит.

Хуторяне тогда ещё сильнее боялись, знали, что когда её нет подолгу на улицах, жди какой-нибудь её выходки, то молоко у коров сдоит, то по зимним запасам пройдет, а то просто всю ночь собак донимает, те глупые рвутся с цепей, заливаясь злобным лаем, потом вдруг заскулят и затихнут. Тогда на всём хуторе становилось так тихо, что на душе становилось тревожно. Люди ведь только для виду говорят, что любят тишину, на самом деле, им только дай повеселиться да вовсю покуражиться. Наверное, поэтому праздники они отмечают до дна, со звучными песнями, да громкими пожеланиями всего, что только можно пожелать. Вот и сегодня в эту безлунную ночь, многие сходились на очередной праздник. И непонятно совсем, как только они могли в такой-то темени узнавать друг друга.

– Добрый вечер! – приветствовал один неизвестный голос из темноты.

– Вечер добрый, – в ответ также непонятно откуда отвечал другой неизвестный голос.

Да если кто-то из них, хоть на миг сегодня мог бы заглянуть в окно хаты Сумчихи, то увидел бы её приготовления к очередной ночной выходке.

В правом углу скромно обставленной комнаты, тихо потрескивая и коптя, горела крупная лучина, пламя её плавно колебалось, и предметы от этого как бы двигались.

В её хате всё приобретало особый смысл, всё казалось загадочным и таинственным, наверное, от этого было ещё и пугающим. Она сидела за большим массивным столом, на котором стояла миска с растительным маслом разбавленное подсоленной водой. Сумчиха размешала содержимое, потом взяла кусок чёрного хлеба и, обмакнув в миску, медленно зачумкала. Её чёрные холодные глаза, не мигая смотрели куда-то сквозь пол, седая копна волос спадала на скамью. Она ждала полночь.

Хутор затихал, пахло дымом и свежеспечённым хлебом. Этот запах нравился ей с детства, когда она была совсем еще девчушкой, когда все звали её Дашей, когда бегала она беззаботно на лужайке босыми ногами, собирая полевые цветы. Как приносила эти простенькие букетики к себе в комнату и, поставив на подоконник, любовалась ими. Когда так откровенно загадывала наивные желания на будущее. Воспоминания вконец захватили ведьму. Ей вспомнился родной хутор Зеленый Камень или, как в народе говорили, просто Камешек, вспомнилась мать. Мать!.. Сумчиха засопела... Она, всегда вспоминала мать с большой обидою...

Мать её, Агния, была женщиной необщительной, гордый нрав и глазливость сделали своё дело, хуторяне не приглашали её в гости, и сами к ней не ходили, особенно после того как утонул её муж Илья, да и утонул странно – в речке, где и глубины-то по грудь. Бог внешностью мать не обидел. Густые волосы слегка с рыжиной, ярко-зелёные смешливые глаза, белая кожа, да ещё красивая фигура, так что мужики часто поглядывали в её сторону. Наверно за очень привлекательную внешность и гордый нрав женщины дружбу с ней не водили, и почти все сторонились её, а за глаза распускали про неё разные гадости и небылицы.

Но слухи эти не отпугивали рыжего Велая, часто ходившего к матери. В народе их так и прозвали – два рыжика. Как в то время Даша ненавидела мать, а ещё сильнее она ненавидела этого чуждого медноволосого Велая, который часто ходил к ним в дом, ненавидела его шёпот, сладкий, угодливый и горячий, шёпот как едкий дым проникал сквозь каждую щелку и уже в её комнате звучал громко и навязчиво. Сначала она пыталась затыкать уши, но от этого всё внутри протестовало, и она стала уходить из дому. Чаще всего уходила за хутор, на холм, где лежал зеленый валун, садилась на него и подолгу смотрела на звёзды. Во время обиды она раскрывалась, и мысли о неправде тяготили её, терзали её наивную душу. Так расстроившись, она смотрела на понравившуюся звезду и мысленно говорила с ней, говорила открыто, как с лучшей подругой. Она тогда была уже в той поре, когда слышав речь парней, у неё часто начинало биться сердце, что-то начинало её беспокоить и заставлять делать необдуманные поступки. Вспомнилось, как тогда за рекой услышав смех и задорные речи, увидев отблеск костров на макушках деревьев, ей тоже захотелось туда, она, было, тогда рванулась с холма вниз, но остановилась. Слухи о её матери, в то время как путы не давали ей нормально общаться со сверстниками.

Вспомнилось, как ещё громче был слышен смех за рекой, ещё чаще билось её сердце, как горели щёки тогда, будто их снегом натёрли. Как щемило тогда сердце, как она сделала снова шаг вниз, но остановилась, вспомнив слова, сказанные раньше кем-то в толпе: «Мать шалапута, скорее всего, и дочь такая же будет!» Потом память выдала вновь воспоминание, как явь, все, как и тогда проплыло в сознании. Как она повернулась, бросилась к камню и зарыдала, рыдала громко, не стесняясь, слёз...

– Почему всё так? Почему? Я в чём виновата? – И она в сердцах громко прокричала:

– Будь ты проклята, рыжая бестия, не мать ты мне, не мать!

Слёзы заливали её лицо, она вытирала их ладошками и тяжело всхлипывала. Но тут через мгновение почувствовала, как запекло под коленями, она потрогала камень, он был горяч, затем в голове красивый заботливый голос сказал: «Не плачь, не плачь я сделаю тебя сильной, все будут тебе в пояс кланяться». Даша только и смогла с испугу сказать:

– Кто ты?

– Я тот, кого часто просят о многом, и не спрашивай больше. Ну что, согласна быть сильной?

– Да, – тихо прошептала она.

– Встань на камень и жди, – приказал голос.

Даша забралась на самый верх и стала ждать. Чуть погодя, на холм взошли девять мужчин в белых одеждах, в шапках из голов разных животных (их лиц не было видно совсем, только морды волка, лисицы, козла), в руках они несли серебряные диски, похожие на блюда. Они стали вокруг камня и этими дисками стали направлять лунный отраженный свет под ноги Даши, затем каждый из них, сделав небольшой надрез на руке, окропил диски кровью и снова стали отражать свет, всё вокруг неё стало кроваво-багровым. И вот из этой кровавой дымки появилась женщина, очень высокая и худая. Чёрные её одеяния делали фигуру ещё худее, лицо было некрасивым, выглядело каким-то сухим, словно вырезанное из дерева, старая женщина была похожа на колдуний из старинных сказаний, она несла изящный серебряный поднос, накрытый рушником, на котором были вышиты руны Рода. Она приблизилась и торжественно сказала:

– Я твоя прабабка Славия, не бойся, ты будешь сильной, наверное, самой сильной в нашем роду, не то, что твоя мать, она ведь отказалась, не поняла главного, оттого и жила не правильно, ну да ладно. Вот тебе наряд, наш колдовской наряд. Она откинула рушник, на подносе стояли красные сапожки с чёрными зигзагами, красное платье с чёрными витыми зигзагами, в виде змеек, и остальное, всё в цвет. «Теперь главное – сейчас снимется замок с твоего сознания, теперь ты во времени, ты сильна и время для тебя будет идти по-другому».

Всё происходило как во сне, Даша не могла поверить в реальность происходящего, но поднос с нарядом подтверждал, что происходящее на самом деле. Домой она шла, как в забытьи, не слышала ни лая собак, ни шума с хутора, в полной тишине.

Сумчиха еще, какое то время смотрела в точку на полу, она отходила от воспоминаний, затем губы её задёргались, лицо стало обиженным как в детстве. Да! Как же всё-таки прекрасны детство и юность, у неё забилося сердце, глаза стали влажными, она тяжело выдохнула. Как давно это было, будто и не с ней совсем, и имя Даша, она и позабыла его почти. Даша... Сумчиха попыталась улыбнуться, но она попросту отвыкла улыбаться, и улыбка получилась, больше похожа на угрожающую усмешку.

Так, вспоминая, что было у неё самое дорогое, и не заметила, как пропели полуночные петухи. Выражение её лица разом сменилось на жёсткое, в глазах блеснул огонёк, наступило её время, ради чего она жила, могла быть счастливой, в её понимании. Она встала и, медленно раздеваясь, подошла к старому зеркалу, настолько старому, что оно было сплошь покрыто мелкими трещинами, и было похоже на её тело, также усеянное всевозможными морщинами, это даже как то их роднило.

– Ну что, подруга, одна ты у меня верная, одна всё знаешь, одна душу мою понимаешь, да ты и есть, наверное, часть души моей, – так, обращаясь к зеркалу, она стояла перед ним обнажённая и долго смотрела на своё старческое тело, худое, бледное и совсем уже почти увядшее, потом хмыкнула и зло процедила:

– Ну ладно, праздник, так будет вам праздник, долго помнить будете!

Она достала из-за зеркала баночку с веществом, похожим на смалец, и стала наносить его, сначала на лицо, а потом и на всё тело.

Затем сходила в кладовую и принесла старый потёртый деревянный ларец, тёмно-зеленого цвета, необычной работы, здесь она хранила свою главную ценность – изображения людей. Медленно пересмотрев все портретики, отобрала один и положила в глиняную чашу с жидкостью, похожей на молоко, потом быстро иглой пробил себе указательный палец, так чтобы кровь каплями капала в чашу. Кровь, соединяясь с содержимым, шипела и булькала, меняя

оттенки, пока не стала бурой мутноватой пеной, затем пена с шипением резко осела, жидкость стада прозрачной, и сквозь неё отчётливо стал, виден лик Миланьи, девушки из соседнего хутора. Сумчиха при этом громко, почти криком, начала говорить свои заклинания:

– Я, Милаша, в тебе, ты, Милаша, во мне, Храя птица в ночи поёт, Храя птица – тебя берёт.

Сумчиха стояла перед зеркалом, страшный блеск в глазах придавал её лицу безумство, видно было, как неведомая сила проникает в неё, заставляя ещё громче и горячее говорить заклинания, дальше она перешла совсем на крик.

– Храя, Храя, я в тебе, ты во мне...

По её телу пошла мелкая дрожь, потом начались судороги и боль, её будто выкручивали, видно было, что все эти тайные обряды даются ей совсем нелегко. И чуть спустя, она уже вымотанная, тихо продолжала шептать:

– Милаша, ты во мне, я в тебе...

Тут стало происходить что-то невероятное. Кожа её стала светиться, сиренево-голубоватый пар, словно кокон, обволок её бледное тело, а поэтому сиренево-голубоватому кокону пробегали разного цвета мелкие всполохи, словно молнии в низких облаках. Вдруг кончики пальцев её ног стали меняться, затем колени, бёдра, грудь, вся кожа становилась гладкой, бархатистой, как у молодой красавицы, на глазах сухой, почти увядший, цветок вновь становился свежим ароматным бутонем, её чёрные глаза медленно менялись на синие, седые её волосы превращались в русые густые косы, а сухие тонкие губы в сочные алые уста. И если бы кто увидел все эти перемены, особенно когда один глаз ещё оставался злым чёрным, а другой уже превратился в синий, когда пол её лица было старым и злобным, другая часть стала уже, как у молодой девушки, скорее после всего увиденного у него случился бы обморок.

Сумчиха повернулась к зеркалу и довольно улыбнулась. Оттуда на неё смотрела синеокая красавица, один в один похожая на Миланью, только вот намного томнее и загадочней. Ведьма с гордостью произнесла:

– Да, от такой трудно отказаться.

Она никак не могла привыкнуть к такому превращению и всегда с восхищением и каким-то трепетом разглядывала и трогала своё новое тело, но особенно ей нравилось смотреть на своё новое лицо. А в то же время в соседней деревне спящей Миланье Крушиной снились дикие кошмары, вся потная, она долго билась во сне, но потом, измучившись, затихла, на красивом её лице появились первые в её жизни морщинки, в эту ночь у неё украли частичку молодости, а в густых красивых волосах появилось несколько седых волос.

Было уже около часа ночи, гуляние было в самом разгаре. Мужики то и дело скручивали самокрутки и шли покурить на дальний двор. Вот и Савелий Шитев стоял, курил после очередной чарки, и уже было собрался идти обратно, как вдруг в метрах десяти за забором увидел девушку. Она мило улыбалась, её глаза смотрели на него так искренне, они словно звали его к себе. Всё в девушке было настолько притягательным, что у Савелия внутри ёкнуло, и по телу пошла сладостная истома, он закрыл глаза, думая, что ему всё почудилось от выпитого. Когда открыл глаза, то красавица стояла уже перед ним. Она была нагая, и стояла перед ним такая прекрасная в сиянии лунного света.

– Отче наш, иже еси...

Он не успел договорить, сладкий пьянящий поцелуй закрыл его уста, аромат её волос словно одурманил, сознание его заволокло пеленой. Савелий обезумел от её ласки, и когда она после поцелуя сделала шаг назад в темноту, маня его за собой, прикрывая пальцем губы, то не задумываясь шагнул за ней. За околицей она вновь прильнула к нему, страстно целуя, шептала непонятные слова, уводя всё дальше от жилья к заброшенному сеннику перед опушкой леса. Сладкие запахи, её поцелуи и объятия затмили его разум, он не мог совладать с собой, она словно хмельным мёдом его поила, воля у него угасала.

И тут он последним усилием воли решил избежать её чар, он рванулся с сеника вниз, но нога застряла меж двух досок, сильная боль прошла по телу, он потерял сознание. Никто не знал толком через, сколько времени его нашли мужики, нога его была сильно изувечена, а сам он выглядел как безумец. Одно было понятно, что останется Савелий на всю оставшуюся жизнь хромым. Так и вышло. Савелий хромал, стал угрюм и молчалив, часами сидел на завалинке, курил и смотрел в никуда, иногда вскакивал с места, тянул руки в небо и кричал...

– Моя... Моя, приходи, журавушка...

Потом, вытирая кулаками слёзы, что-то про себя бормотал, уходя прочь... Во как! Только что живой, вроде есть человек, а вроде его и нет.

После этого случая мужики ещё дальше стали обходить Сумчихину хату, быстрой походкой они проходили мимо, не смея поднять глаз в сторону её окон. А больше всех переживал Влад Човырёв, его хата была совсем рядом с хатой ведьмы, только старый некрашенный забор и разделяет их участки (хотя подворья были большие). Их сын, белоголовый мальчик, Лекша, часто играет возле её двора, мальчишке ведь нет дела до её деяний. Дети живут в своём, красиво придуманном мире, где всё по-другому и дружба, и состраданье.

Вот и Лекша по доброте подобрал раненого лесного ворона, и принёс его домой. Ему так стало жалко птицу, когда та тщетно пыталась взлететь, ударяясь крыльями о землю. Дома он посадил ворона в старую корзину, а сам стал ошкуривать прут. Вдруг их кошка Маруся вздыбилась и, зашипев, бросилась вон. Мальчишка оглянулся, глаза ворона пристально смотрели на него, словно не ворон это вовсе, а человек.

От такого жутковатого взгляда Лекша весь съёжился и замер. Ворон закурчал, поднимая свой большой клюв кверху, потом стал махать крыльями, словно хотел взлететь, вскоре вокруг него появилась тёмная дымка, навроде чёрного пара. Вдруг ворон растворился в этом чёрном мареве, и вместо него стал медленно проступать мрачный силуэт ведьмы... «А-а-а! Мама, мама...» – Лекша не выдержал такого зрелища и упал в обморок. Когда очнулся, то понял, что он лежит в постели, ему хотелось вспомнить, что с ним произошло, но он не смог, как не пытался. Лекша посмотрел через дверной проём в другую комнату. Там возле печи хлопотала мама, пахло блинами и топленным маслом.

– Проснулся, сыночка, проснулся, воробушек, как ты нас напугал, – зашебетала она.

Мать подошла и тронула лоб рукой, и тут Лекша заметил, что она какая-то не такая. На её лице было чужое странное угодливое выражение и глаза какие-то другие, глаза отдавали пугающим лихим блеском. Лекша вылез из постели, вышел на крыльцо, там сидел отец, курил.

– Пап, ты чего так рано?

– Да так, сынок, рассвет хотел увидеть, вот и встал рано, – соврал он сыну. Влад всё держал в себе – и то, что ночами не давало покоя, и про то, как звало куда-то внутренним голосом, про всё молчал. Не мог же он рассказать сыну, что недавно случилось, боялся, не поймёт. Как объяснить, что колдунья вот так мужиков воли лишает и водит, как телков на верёвке. Он вспомнил, что давеча было. Легли уже спать, да сон что-то не шёл, всё крутился с боку на бок, сначала ему показалось, вроде кто-то говорит за окнами, он встал, посмотрел, никого нет, хотел было уже лечь обратно, как услышал шёпот, еле слышный, тёплый как летний южный ветерок.

– Влад... Владушка...

Этот шёпот, словно сеть опутывал, туманил его сознание, сковывал движения, и звал, звал ласково, но настойчиво, так, что не было сил ему противиться, и он пошёл, дрожа, будто от холода, пошёл на этот зов, такой манящий и такой пугающий.

Босой, в одной белой ночной рубаше, шёл он по траве всё дальше и дальше к тёмному бору, и если бы кто посмотрел в это время со стороны, то подумал бы, что мужик рехнулся, то вроде пустоту обнимает, то кружится в таинственном танце, потом затихает и водит руками по

воздуху, раскачивая головой в стороны, то вдруг побежит, или ляжет на траву и долго смотрит на свои ладони.

Бедолага, ему то всё казалось, что он с красавицей по лугу идёт, обнимает да целует её, на самом же деле он был один, и танцевал, и ласкал только ночную пустоту.

Сумчиха знала своё дело, знала, как из молодого сильного мужика вмиг силушку, откачать, из которого словно выжали все соки, в человека который одновременно будет бояться её и желать вновь и вновь, не думая о последствии, желать без остатка, до дна. Томные, необыкновенные ласки в обмен на силу и здоровье – что может быть коварней? Да она знала суть людской породы, знала как никто. Так, будто целуя и жарко обнимая, вела она его, словно телёнка на верёвке, всё дальше и дальше от околицы...

– Что, Влад, устал? Устал, милый, устал...

Она кинула платок на траву.

– Сядь рядышком, обними меня... Крепче... Я ведь тоже озябла...

Он сел рядом и крепко обнял её.

– Что же ты так мало уста мои целуешь, али не сладки?

Эти слова звучали как-то издалека, будто сверху. Он вспомнил, что так уже было, когда молодым сильно напился вина и, лёжа на кровати, силился поднять голову, когда его ругала мать, вытирая слёзы подолом. Вот так и сейчас пытался оторваться от этих губ, от этих ласк, но не мог. Наоборот, он всё дальше и отдалённей слышал то, что говорил ему этот приятный голос, по телу растекалось что-то сладкое, тягучее, потом в животе запекло и дальше его стало трясти, губы пересохли, будто он не пил очень долго воды, всё тело ломило и жгло. Тем не менее, он смотрел в эти красивейшие глаза, в этот миг готов был отдать себя полностью, лишь бы подольше побыть с ней, ещё и ещё.

Он очнулся, было прохладно, на востоке уже становилось светлее, звёзды тускнели, исчезая из виду, смолкли сверчки, наступало утро. Влад чувствовал себя полностью разбитым, даже с сильной простуды и то было легче. Мало, что всё ныло и горело, да ещё на душе было пусто, будто вычерпали всё, оголив стыд и воспалив совесть. Противно, ой как же противно на душе. Не мог он знать и понять, что с каждой лаской она не только тормозила его душу, но и словно горячей головешкой прижигала сознание, подчиняла его волю. Вот так сидел он в тяжёлых думах, пока вновь не услышал голос сына... Лекша спросил:

– Па, но ты что молчишь? Я спрашиваю, а ты всё не отвечаешь!

Влад, ещё чуть помолчав, сказал:

– А пойдём-ко, сынок, в лес, грибов соберём, да мать грибовницу сделает.

Но в голове он держал совсем другое, хотел по пути зайти поговорить со старым Захарием, слух идёт, что старец всё знает. Правда, никто толком не знал, кто Захарий и когда он в здешних местах объявился, да и лет ему, сколько никто не знал, говаривали, что уж давно под сотню, а может и больше ста.

Сам Захарий был человеком не очень общительным, хотя к нему и приходили все в округе, знали, что поможет и советом, и подлечит кого надо. Травы он заготавливал со знанием дела, чистые, с силой. Вот так и разносит людская молва о нём всё то, чем помогает людям.

На хуторе Захарий объявился ранней весной, седой с длинными до плеч волосами, в старой расшитой рубахе до колен, с затасканной сумой и необычным посохом, он бросался в глаза, было видно, что человек он пришлый.

Захарий походил по улочкам, всё у всех расспросил, что да как, кто чем живёт, есть ли у них такие люди, что водят дружбу, как говорится, с тёмной силой. Конечно же, ему рассказали про бабку Сумохино, каждый говорил по своему, но из всех речей можно было понять, какой силой она обладает и что она истинная хозяйка здешних мест. Глаза старика оживились, для себя он решил, что здесь останется, всю жизнь он посвятил противостоянию с такими, кем была бабка Сумохина, всю жизнь по мере сил помогал людям, кому от душевных мук, кому

от физической боли. Чаще всего ему всё удавалось, но бывало и нет. Сила то всех разная, есть такие, что знания свои несут аж с той поры, когда предки вышли с севера после похолодания и тысячи племён славянских пошли в более тёплые земли. Уже многие и слов то, что звучат в заклинаниях, не помнят, не говоря уже о значении этих слов, читать руны уже почти никто не может, как пришла другая религия, стали православных людей преследовать, вот и забыли, кто от страха, а кто просто от лени. А ведь значение рун великое, много знаний скрыто под этими вроде простыми знаками, вот, к примеру, заходишь в глазища (спирали из камня), идёшь по ним, читая руны, посвящённые Велесу, и скот растёт крепким, не хворает, но если прочитать обратно и назвать того, кому посылаешь, у того, наоборот, падёт скот, да и не только скот. Для многих это бабкины сказки, но это до тех пор, пока человека самого не коснётся.

Захарий всё это знал, знал не по слухам, пускали на него даже огненного змея, с тех пор отметины на лице. После того случая он ещё не раз испытывал на себе силу колдунов. Потрёпанному, но ему чаще всего удавалось сдерживать тех, кто днём больше в дрёме, а вот ночью, словно летучие мыши, их мысли и пожелания пронизывают пространство, неся чаще непонятное и страх в семьи простых хуторян.

Вот так и стоял он, вроде как, на посту между тенью и светом. Вообще то, всех людей старик встречал только во дворе, в избу не водил, говорил, что взоры и присутствие людей нежелательно рядом с травами и разными его вещицами, мол, тогда сила их меньше становится. Всех пришедших проводил под резными небольшими воротами, которые были сплошь изрезанные рунами. Вот к какому старцу пришёл Влад с сыном за помощью.

Захарий встретил Влада с сыном ещё у калитки, провёл под воротами, читая тихо какие-то ему только ведомые изречения. Потом провёл на скамью, угостил медовым квасом, а уж потом сказал, что готов выслушать все неприятности Влада.

Захарий слушал молча, только изредка цокал языком, да качал головой...

– Ну что сказать тебе, Влад, сильная ведьма в ваших местах, и в человека войти может, и любой образ создать, я о такой раньше и не слыхивал, вот так мужиков, словно телков на верёвке водит, чудно, коль не было бы бедою. Что, видать, не одного мужика высушила! Ну что же, обряд нужно делать, обряд древний, ещё с дедовых времён. Должен помочь. Только вот помни, что уязвима она в полночь сразу после ночных петухов, может минуту, а может две этого никто не знает точно. Ну, а теперь запоминай, что говорить буду, а остальное тебе напишу на бумаге, да не потеряй, чтобы в чужие руки не попало. Выполни всё точь-в-точь как скажу, уяснил? Прежде твою жену надо защитить, ведьме в женщину легче войти, сразу и не поймёшь в бабе перемены. Всё понял, как делать надо?

– Да, Захарий, спасибо, всё исполню, как ты сказал.

После разговора со старцем Влад почувствовал себя поуверенней, даже лицо немного стало светлей. И обратившись к Лекше, подмигнув, сказал:

– Ну что, сынок, с луной на болото пойдём, вот и твоя теперь помощь понадобится, вдвоём всегда сподручней будет!

Стемнело. Они взяли старые мешки и направились в сторону поймы. Под ногами хлюпала жижа, комарья было столько, что казалось, они со всех мест слетелись именно сюда. Старались траву рвать быстро, чтобы быстрее покинуть этот кошмар из кровососов, зажженная махорка не помогала и, поэтому одной рукой приходилось постоянно махать сломанной веткой, это замедляло их работу. Спустя где-то часа два, искусанные, Влад с сыном возвращались с болота с полными мешками. Как и говорил старец, они нарвали много багульника, от его запаха кружило голову и слегка мутило. Дома до ночи спрятали мешки в чулан, а сами стали ждать заветного времени. Но время, как назло, тянулось и тянулось, сильно выматывая хуже тяжкой работы. Вдруг раздался крик сыча. От неожиданности они вздрогнули. Когда сыч прокричал третий раз, они быстро приблизились к железной, выдвинутой на середину комнаты, кровати и стали обкладывать пахучим багульником спящую Радку, да так плотно чтобы не

было прорех. Затем Влад достал мятый жёлтый листок, что дал ему раньше старец, и стал читать. Он пытался читать громко и важно.

Читая древние заклинания, которые написал на листке старый Захарий, Влад то и дело сбивался, повторяя вновь и вновь труднопроизносимые, забытые в веках древние слова, но с каждым произнесённым словом ему становилось легче, растерянность уходила, он читал твёрже и уверенней.

И вот воздух вокруг кровати стал видимым, будто кровать находится в куске прозрачного льда, потом этот сгусток воздуха вздрогнул, как высокая трава под порывом ветра, и откуда-то, из неведомого, искрясь, словно тысяча светлячков, явилась сила, сила древняя родовая, стекаясь, она сначала сделала круг возле берегини в углу, а потом стала, словно частички света, облеплять спящую Радку. Они изумлёнными глазами смотрели на происходящее.

На какой-то миг Владу показалось, что вся эта комната и есть тот забытый ведающий мир, в голове плыли образы, старцы в расшитых рубахах, священные руны, сложенные в таинственные тексты, всё сопровождалось тонким звуком, будто далеко играет жалейка. Где-то там, в глубине сознания, он понимал – вот этот мир, который люди всегда считали мерилем всего, вот этот мир, описанный в ведах, мир забытых знаний и вот теперь через древние заклинания ему довелось хоть чуть прикоснуться к нему, этому заветному миру.

Возбуждённый до предела, с горящими глазами, он продолжал читать заклинания. Сознание уносило иногда туда, откуда пришла эта сила, сила тысяч поколений, туда, чему люди не могут дать определение до сих пор. Обескураженный, он не мог понять, где явь, а где нет. Вокруг плыло вроде видения, но какое-то непонятное, смешанное. Вдруг его глаза увидели женщину, одетую не так, как все. Влад совсем потерял чувство реальности, всё плыло.

Красная одежда и внизу, и сверху пересекалась чёрными зигзагами, густые волосы перехватывала такая же лента, такие же сапожки, всё говорило, что это не простая женщина. Хищное надменное лицо выдавало уверенность, даже наглость, все вокруг как-то сторонились её. Боже! Да это же Сумчиха! Влад уже ничего не понимал, всё спуталось в голове. Она приблизилась и заговорила:

– Что, глупенький, ты думал, я только твоя соседка? Я везде, я сейчас здесь, завтра там у вас, потом и у ваших внуков, так что я – везде и всегда! Глупец! Я как тень мыслей ваших, думаешь не видно как ты смотришь на Миланью, на её стан, в глаза её синие заглядываешь? Так что, милоч, мы с тобой только начинаем!

Она расхохоталась со злобной издёвкой. Потом воображаемое как-то резко ушло, вновь перед ним комната, запах багульника, сынишка с широко раскрытыми глазами. Влад ещё какое-то время не мог прийти в себя, пока голос Лекши не вывел его полностью из этого состояния.

– Надо спрятаться, папа, быстрее надо спрятаться!

Завершив обряд, спрятались в чулане – кладовке за маленькой дощатой дверцей. После очередного крика сыча комната стала наполняться каким-то шорохом, затем послышался жутковатый хохоток и из всех углов к постели жены, корячась на коротких кривых ножках, медленно потянулась всевозможная нежить. В лунном свете их убогие бугристые тела отливали серо-голубым мистическим светом, в красных глазищах злорадия и лютость. Они, повизгивая, как шакалы в стае, стали обступать кровать. Через мгновение из печи с шипеньем выплыл огненный шар, остановился, затем стал тускнеть, и на месте, где только что всё светилось и искрило, стала проявляться полупрозрачная фигура, проявлялась очень медленно, как морозный узор на окне, только узор не подвижен, здесь же всё плавно колыхалось, как бы дышало, словно туман в лощине. И когда проявилась вся фигура, стало ясно, что перед ними страшная могучая сила, заключённые кем-то в размеры человеческого тела, энергия струилась то вверх, то вниз, при этом было слышно потрескивание, как будто горят сосновые ветки, через всю фигуру проходили сине-фиолетовые линии, мелкие, средние и крупные, похожие на кровеносную систему

человека,. И вот это страшное, сильное и в основе своей не понятное теперь здесь, в их доме, рядом с ними.

Влад сглотнул слюну, вышло нежелательно громко, призрак повернулся в сторону чулана. Самое поразительное было то, что лицо, если его можно было так назвать, выражало то состояние, что было у призрака сейчас – злость, в пике надменности, оно словно говорило «Что, человечешко, слабая душонка, прими неизбежность, падай на колени, вы жалкие, вы в большинстве своём предаёте своих, мелкодушные слизняки, вы слабые твари!» Злобный взор был обращён на них сквозь тонкую дощатую дверку, было жутко, казалось, взгляд призрака просачивается сквозь маленькие щелки дверцы.

Это становилось невыносимым, и Влад закрыл лицо сына руками, а сам отвернулся в сторону, но взгляд сам невольно устремлялся сквозь щели в двери на призрака, несмотря на жуткий страх.

Призрак поплыл по комнате, бросая всё по пути, сначала он выбросил все вещи Радки из сундука, а когда приблизился к шкатулке с украшениями, казалось, будто призрак злорадствует и усмехается, беря поочерёдно украшения, примерял и потом в бешенстве бросал прочь в угол. Пришла очередь любимой броши. Призрак долго крутил её, рассматривал пристально, словно запоминал, потом с силой бросил в зеркало. И брошка и зеркало разлетелись на несколько частей, так сосулька с крыши разбивается о землю. Испуганные Влад с сыном сидели в чулане, и казалось, они на маленькой лодочке попали в шторм, только этот шторм был из лютой злобы, ненависти к простым человеческим отношениям. И если сравнить, ещё неизвестно что страшнее, там водная стихия, хоть и мощная, но всё же просто сила, другое здесь – неведомое, не зря называется запредельным, тёмным, потусторонним. Значит, видно было, чего бояться, коль все поколения передавали из уст в уста всю непонятность и от этого ещё сильнее пугающее суеверие, а вернее сказать, тот мир, за пониманием нашего разума.

Сделав круг по комнате, призрак вновь остановился напротив дверцы чулана, его взор будто проникал сквозь дверь, охлаждал всё внутри, вызывая дрожь и дикий испуг. Лекша ещё сильнее затрясся и прижался к отцу. Затем призрак приблизился к кровати и замер, словно взвешивал свои возможности.

– Папа, она... Папа, Сумчиха? – Испуганный почти до обморока, шептал он отцу.

– Тихо, ради твоей мамы, тихо! – Влад как мог, успокаивал сына, закрывая его лицо рукой.

Бледные, дрожа от страха, они сквозь щель двери наблюдали, как возле спящей Радки неистовал призрак, страшный, он метался по комнате, пытаясь приблизиться к постели, но в последний миг, что то его отбрасывало, он бесился, то взмывал к потолку, то отлетев в угол, издавал жуткие звуки, что-то вроде скрежета, от которого становилось на душе так жутко, что разум отказывался принять всё как реальность. Призраку вторила вся нежить, они то лязгали зубами, то подвывали, как стая давно не жравших шакалов. Но наконец-то время их ушло, вся нежить растворилась тихо, а вот призрак, ещё побесившись, вылетел в трубу печи подлетев к внешней стороне окна проскрипел:

– Эх, Влад, Влад... На чёрную луну тебе никто не поможет!

Запели петухи и призрак исчез. Когда всё стихло, они бросились к постели, Радка проснулась, широко открытыми глазами смотрела на мужа и качала головой. Лекша тоже посмотрел на отца, сказал:

– Папа, у тебя на лице пятно в виде лапы курицы!

– Да, жуткая ночка, нам выпала! – обнимая жену и сына, запинаясь, сказал Влад, затем продолжил:

– Надо к старцу сходить, всё рассказать, да и спросить, что дальше делать. Лекша, давай, пошли к хибарке сходим, расскажем, что ночью перетерпели – такого, наверное, старец и сам не видал.

Влад с сыном быстрым шагом торопились к Захарию. Им быстрее хотелось рассказать о пережитом в эту страшную ночь. Зайдя в хибарку старика, ужаснулись, всё было разбросано, в углу истошно вопил кот, а за столом с застывшими от безумного страха глазами, сидел мёртвый старик.

Да-а-а!.. Не мог знать он, что Сумчиха не просто ведьма, она ведьма во времени, дух её переходит из тела в тело, меняя их вроде посуды, а вот нутро и сила не меняется, а если ей удавалось высушить дюжину парней, желательнее с одинаковым именем, то она даже удваивала силу. Эх, понадеялся на себя, не раз вступал в схватки и, всегда на всех у него находилось средство, на кого заговор на лунном камне действовал, на кого надо было и несколько обрядов делать, а кого-то только руны из ясеня, уложенные в определённом порядке, останавливали. На многих у него было средство, но только не на Сумчиху. Сразу от Човырёвых взбешённая ведьмина сущность понеслась к избе Захария, она поняла, кто помог им, и решила наказать старика. Облетев вокруг, она нашла слабое место, проникла в избу. Оказавшись внутри, стала кружить по кругу, так кружилась, пока все стены, потолок, и пол не стали зелёными, как будто кто-то обил их зелёным сукном. После этого она приблизилась к лицу старика, почти в упор, и стала ждать, когда он откроет глаза. Захарий проснулся, а вот заговор не успел прочитать. И как беспомощную муху паук заматывает в паутину, так и Сумчиха приподняла и усадила его угол, сковав по рукам и ногам, лишённого воли и действия. Захарий смотрел своими голубыми глазами, словно дитя, понимая, что на этот раз ему не выкрутиться. И тут началось...

Комната наполнилась непереносимым звуком, словно вблизи настраивают скрипку, так продолжалось некоторое время, затем будто кто-то погасил лампу, стало темно и совсем тихо, и вот как бы издали послышалось мяуканье котёнка, потом всё яснее и громче, вот появился и сам котёнок, пушистый, рыженький с белым галстуком, белыми лапками, он жалобно мяукал, и в его мяуканье словно слышалось: «Я маленькая жизнь, я маленькая ещё беспомощная жизнь...»

И среди этой мрачности уже один вид этого существа вызывал жалость. Вдруг резкий, больше похожий на плач, крик пронзил всё вокруг, и маленькое создание повисло вниз головой, подвешенное за хвостик. Кто-то невидимый, как в театре марионеток, дёргал нити, оставляя мучиться это маленькое создание, дальше мучения становились всё более жестокими, и вот уже блестящий крюк впился в бок несчастного создания, кровь брызнула во все стороны, кровь, казалось, лилась нескончаемым потоком, капли долго летели вниз и разбивались ещё на более мелкие брызги, издавая звук горечи и страдания. Котёнок кричал так, что Захарий не выдержал и отвернулся, но напрасно, та же картина была и там, и на потолке, везде, казалось, кто-то устроил массовое побоище котят. И не было возможности отвернуться и закрыть глаза, вокруг боль и горе, страшный крик и снова муки. Котёнок корчился от боли и будто говорил: «За что? Я ведь ещё не жил...» Его маленькое тельце содрогалось. Захарий горестно смотрел на всё, из добрых старческих глаз стекали слёзы, ему ли не знать цену жизни, ему, стоящему всегда на грани жизни и смерти. Всё стихло внезапно и стало опять темно, но так было недолго. Из полумрака высветился стол, где лежал теперь уже белокурый малыш, он улыбался, беззаботно тянул к нему руки и тихо агукал, и когда над ним появился крюк, с которого стекала кровь, старик закричал...

– Довольно... Хватит... Прекрати... Остановись, остановись, ты, не знающая предела мукам, ты, несущая страдание, сколько тебе нужно горя, сколько?

Крюк приблизился к груди ребёнка... Захарий взмолился:

– Стой... оста... (задыхаясь, прижимая ладонь к сердцу). Слова оборвались, голова запрокинулась, сердце его не выдержало, он был, наверное, слишком добрым человеком, чтобы видеть такое. Да! Сумчиха знала, как на кого воздействовать, она приблизилась к бездыханному телу. Посмотрела в упор в застывшие глаза... Зло сказала:

– Зачем? Да затем! Тебе ли не знать, Захарий?

Влад осмотрел всё вокруг, обрядовые вещи старика на месте, видно, он и защиту толком не делал против неё:

– Понятно... Страхом она его убила, – сказал он как-то обречённо.

И, понурился, побрёл с сыном прочь от хибарки старика. Дома он не находил себе места, то в огороде покопается, то, придя на завалинку, нервно курит.

– Чего жду? Надо самому что-то делать! – сказал он сам себе.

И решил он ночью сам идти к хате ведьмы.

Наступила ночь. Как назло было очень тихо, никто нигде не веселился, никакого праздника не отмечали, только изредка раздавался одинокий лай встревоженной собаки. Влад зашёл со стороны пустыря и стал медленно, почти на ощупь, двигаться, только он переступил между огорода ведьмы, как сразу послышались голоса. Кто-то зашептал с издёвкой, комментируя каждый его шаг:

– Вот так... Поднимай ножку... Вот так ставь ножку... ещё давай ещё... иди-иди, тебя давно ждут...

Голос был негромкий, но звучал так, что внутри что-то тянуло и выкручивало. Этот голос и голосом назвать нельзя, он звучал не как живая речь, а больше был похож на треск кузнечика, только звучал тихо и очень вкрадчиво:

– Смотрите-ка, он остановился!

И десятки таких же голосов шёпотом подхватывали:

– Остановился мужичок-то, остановился людишка!

Чем дальше, тем больше звучали голоса и тем сильнее страх проникал в каждую его жилку. Страх был настолько сильный, что вызывал тошноту, и когда он от дурноты наклонился, то ему показалось, что всё вокруг покрыто слоем больших могильных чёрных жуков, они были огромны, с человеческую ладонь, но самое ужасное, у них на спине, словно посмертные маски, были бледные лица умерших людей, умерших не так давно и лица всё больше знакомые, на лицах тоска и муки, всё то, что испытывал человек в момент своей смерти. Жуки медленно ползали, копошились, каждый пытался влезть на другого, раздавались протяжные стоны и какие-то жуткие прошения...

– Пусти... Пусти... наверх, мне бы наверх... а... тесно мне... душно мне... пусти!

Влад почти совсем одурел от страха и, чтобы хоть как-то прийти в себя, решил закурить. Руки тряслись, он никак не мог поджечь папиросу, с досады разорвал и бросил под ноги, и там, где просыпался табак, место стало свободным и чистым, да точно обыкновенная трава, он присел, решил перевести дух от перенесённого, начал растирать мочки ушей и виски, при этом стал читать то, что пришло ему в голову: «Господи, помилуй мя... Господи, помоги мне!»

Так повторял он дрожащими губами. Вдруг ему стало поспокойнее. Наверное, он и не понял, как его слова сложились в несложную молитву, а скорее прошение к Небу о защите. Вот в этот миг решалось, если повернёт назад, то будет жить, как обычные люди, если пойдёт дальше, то быть ему с теми, кто живёт на пограничье миров. Наконец-то ему удалось закурить, курил быстро и нервно.

– Нет! Всё! С меня хватит, надо идти отсюда быстрее!

Он, было, уже повернулся и хотел бежать прочь от этого кошмара, как вдруг ставня окна плавно приоткрылась, и мягкий свет керосинки осветил полоской огород. Глупый, он остановился и словно ночное создание стал подходить на свет в окне, что-то неведомое тянуло его туда сильнее, чем страх, сильнее воли его.

Он медленно пошёл к окну, еле переставляя ноги, почти не слышно. Да, ему было страшно, даже наверно ужасно, он постоянно трясся, то и дело, облизывая пересыхающие губы. Влад слышал не только, как бьётся его сердце, но и кажется, слышал движение крови по венам, он покрывался липким потом, который бывает от дикого страха. Почти в предобморочном

состоянии он подошёл к окну. Через неприкрытую ставню заглянул в тускло освещённую комнату.

Сумчиха ходила вокруг стола, что-то бормотала, потом кряхтя, подошла к бочке, залезла в неё и окунулась с головой в какой-то вар, так посидела какое-то время, затем вылезла и обтёрлась веером из гусиных перьев, потом прошла к столу и легла, прошло немного времени и над её телом появился маленький светящийся шарик размером с горошину, он переливался всеми цветами, как мыльный пузырь на солнце, чуть спустя появился другой шарик, но этот выглядел как чёрная жемчужина, шарики вращались вокруг друг друга, но не быстро они словно ждали чего-то, и вот когда пар от тела перестал подниматься вверх, они пустились в дикую пляску. И через мгновение, как из под ткацкого станка выходит ткань, так из движения этих шариков, начала вырисовываться фигура девушки, сначала она была прозрачно-чистая, похожая на первый лёд, но потом из трещины в зеркале к ней протянулась тонкая, как волосок, сияющая нить и как на веретено стала наматываться на ледяную фигуру. Нить опутывала фигуру всё больше и больше, пока словно шелкопряд не окутала полностью. Поражённый увиденным, он стоял и не мог осознать, неужели вот так ему довелось увидеть то, о чём слышал в далёком детстве от старенькой бабушки и думал, что так не бывает, что всё это выдумки. А вышло во как, это он вот сейчас стоит в ночи под окнами настоящей ведьмы и видит то, что никогда и никто не видел, то, чему объяснения нет, то, что так сильно пугало и будет пугать простых людей.

Влад ещё не отошёл от увиденного, как позади нежно вкрадчивый голос произнёс:

– Что ищешь, милоч?

Он повернулся и обомлел, перед ним стояла Миланья. Её большие синие глаза смотрели с каким-то наивным укором, длинные русые косы спадали на голые плечи, её припухшие алые губы словно зазывали, она вся словно искрилась желанием. Не выдержав, он зарыдал и упал ей в колени, он всё понял, понял что прилип, будто бабочка в мёд...

– Отпусти, отпусти ты меня, окаянная, ты же не настоящая!

Звонкий смех перебил его:

– Не настоящая, говоришь? А кто давеча стан мой ласкал, да уста поцелуями закрывал?

Не ты ли? Ну да ладно, иди, только когда скажу, волю мою исполнишь. Ну что, исполнишь?

Влад колебался. Она приблизилась так близко, что он начал терять обладание.

– Ну? Исполнишь?

– Исполню всё как скажешь! – потупя глаза, сказал он.

– Ты и не скажешь «милая»? – издевалась она.

– Хорошо, исполню, милая.

– Ну да ладно, иди уже... Хотя постой, может, на последок в гости зайдёшь?

– Ну, если только напоследок, то зайду, – буркнул он.

– Тогда я ведь не из плоти была, так, образ в твоей голове, а сейчас во всей красе, и уже раздетая! Не боишься?

Она быстро взяла его руку и коснулась щекой. Если бы перед ним была настоящая Миланья, скромная красивая девушка, он бы стоял спокойно и не переживал, а здесь была другая, тоже красивая, но наглая, не знающая стыда, сплошное коварство, от той Миланьи было только нагое тело...

– А потом ты меня отпустишь совсем? В ответ раздался смех, затем ведьма сказала:

– Да! Конечно. А что, неужто так плохо со мной? А? Неужто? Да что ты так напрягся?

Нет, Владушка, не любовь твоя мне сейчас нужна! Пойдём, покажу, что надо будет делать тебе.

Они вышли за околицу и пошли по почти исчезнувшей дороге в направлении заброшенного хутора, что был в десяти километрах вверх по речке. Пока шли, она всё напевала, бывало, пританцовывала, иногда дерзко проговаривала частушки, настолько бесстыдные, что ему было неудобно слушать, и он опускал голову. Она с издёвкой спрашивала:

– Что, желать, значит, не стыдно, а слушать стыдно? Эки вы люди!

– Ну да ладно, подними голову, что ты пялишься в землю!

Со стороны всё выглядело странно, идёт пара по дороге, в лунном свете, а вокруг парня приплясывает голая девушка, да так рьяно, как на празднике.

Она снова стала напевать, ей так нравилось быть в молодом теле, быть привлекательной и вызывать желания у него. Через некоторое время Влад пришёл в себя и даже подавал ей руку, чтобы она опёрлась при переходе через неровности. Шли долго, прошло наверно часа три, а может и больше. Наконец-то вышли на околицу бывшего хутора. Увиденное поразило его. На некоторых участках ещё угадывались бывшие строения, меж них видно было дорожки, хотя они и сильно заросли травой.

Он мысленно представил, как когда-то вот по этим дорожкам ходили люди, всюду пасся скот, гомон домашней птицы, лай собак. Взгляд остановился на качелях. Их раскачивал ветерок, казалось, что с них только что спрыгнули детишки и по зову мам побежали домой. Ему чудились обрывки речи людей, иногда пение, но такое заунывное, что переворачивало всё внутри, а больше всего его ошарашила надпись, сделанная на покосившейся, висевшей на одной петле, когда-то красивой калитки: «Милый мой родной дом, я плачу, знаю, что уже никогда не войду в тебя, прощай я оставляю тебе свою любимую игрушку, прощай... покидаю тебя, наверно, навсегда... но буду помнить ... Прощай».

У него от увиденного навернулись слёзы. Даже Сумчиха с грустью смотрела на всё вокруг, она ведь здесь выросла, здесь бегала со сверстниками в лес за ягодой, на речку купаться. Она тяжело вздохнула и сдавленно, негромко сказала:

– Ладно, пойдём, времени и так мало осталось.

Они дошли до заросшего пруда, свернули к холму, скорее всего на нём раньше было культовое сооружение, ещё валялись кое, где вытесанные из камня части кого-то строения. Пришли.

Сумчиха наклонилась и потрогала зеленоватый камень, он весь был в грязи, местами на нём рос мох.

– Видишь этот камень? Во времена, когда наш народ славил Перуна, этот камень обрядовым был, на нём заговоры на тайную силу делали. Время шло, все забыли про него, а в нашей семье помнили, и бабушка моя, и её бабушка, знаю про эту силу и я, так вот, возьмишь его, очистишь от грязи так, чтобы блестел, потом напишешь на нём слова нужные, позже скажу какие, и писать будешь только теми красками, что я тебе дам. Писать будешь ночью при лунном свете, понял? Только ночью при луне и никак иначе. Когда я умру, и меня похоронят, в ту же ночь поставишь этот камень у меня на могиле. Если не выполнишь, не будет тебе покоя и семье твоей не будет, сына твоего и жену за собой заберу. Понял? – сказала ведьма властно.

– Да как не понять, – он ответил быстро. Боялся, вдруг она уловит хоть какое-то сомнение или, хуже того, его нежелание.

– Ну, коли понял, иди ближе, поцелую тебя, крепко поцелую – нагло сказала она.

Он подошёл. Сумчиха провела рукой по его щеке, по губам, заглянула в глаза, затем с силой оттолкнула. Её смех и последние слова он уже услышал как бы издалека, откуда то из-за пригорка. Влад ещё раз огляделся, перед ним камень, вокруг никого, только развалины заброшенного хутора, да в лесу тоскливо одиноко ухала сова. Ещё чуть постояв, направился в сторону Живицы. Шёл и думал, а может быстро собраться и уехать из здешних мест? Да нет, как же, ведь дом своими руками строил, хозяйство такое большое завёл, скот, птица, а выпас лучший в хуторе. Нет, как всё бросить? На новом месте сызнова начинать? Нет. Ничего, всё обойдётся! Ведьма старая, долго не протянет, даже её колдовство от старости не поможет. Обойдётся! После таких мыслей он даже немного воспрял духом.

На следующий день с соседом привезли на телеге камень на двор, затащили под навес и накрыли старым сукном от глаз людских. «Вот так, полежи пока здесь».

– Ну, спасибо, Тимоха, одному бы не осилить, – подавая папиросу, сказал Влад.

Стояли, курили. Тимоха пристально смотрел на камень, потом всё же спросил:

– Зачем тебе, Влад, такой валун, вроде в хозяйстве некуда приткнуть? – щурясь на один глаз, спросил сосед.

– Ни к чему тебе знать, пойдём в хату, лучше по чарке выпьем да о сенокосе поговорим, – ответил Влад.

Прошло несколько дней. Влад, занимаясь хозяйством, про камень подзабыл. Но в одну из ночей луна как-то особенно настойчиво пробивалась через занавеску, будто говорила: «Иди, пора тебе обещанное делать».

Влад встал, прошёл на кухню, налил молока и стал пить, а сам размышлял про данное им слово Сумчихе. Может, и не делать ничего вовсе? Но при этой мысли в окно, словно кто-то постучал.

Его охватила дрожь, он быстро встал и пошёл под навес, где лежал камень. Света керосинки вполне хватало, чистил щёткой, поливая водой. После часа работы валун был чист, только теперь стало видно красивый рисунок, на вид он был похож на малахит, но бледнее и в нём были полосы слюды. Слюда блестела, когда на неё попадал свет лампы, вырисовывались причудливые всевозможные узоры, камень и правда был очень красив. Но главное было то, что на нём были начертаны какие-то знаки, такие же знаки попадались ему на острове среди озера. Внутри что-то подсказывало, что перед ним что-то важное, составляющая часть чего-то таинственного и сильного, но вот чего, понять этого он не мог. Он аккуратно вновь накрыл его сукном и пошёл, ёжась, в хату. Жена сквозь сон ворчала:

– У меня день рождения, гостей придёт полный двор, а ты ничего не сделал, надо же и птицу зарезать, да и других дел полно, небось, светает уже?!

– Не ворчи, всё сделаю вовремя, – сказал он, ложась рядом.

В голове кружилась мысль: «Надо маленько поспать, вот посплю чуть и управлюсь».

К вечеру пришли гости, в основном родственники жены, да кумовья.

Застолье было, как всегда пьяным и шумным, все говорили, перебивая друг друга, иногда пытались спеть, после нескольких попыток Радки всё же удалось организовать пение, пели про охотника за соболями. У жены голос был не очень сильный, она больше подпевала, но зато так душевно, Влад любовался ею, а сам размышлял: «Вот выполню обещанное, и вновь в их семье будет тихо и уютно, как раньше». Будут они ходить также за реку на делянку, полоть огород, а после, разложив еду на траве есть и смеяться, когда птахи совсем уж близко подлетят, хватая крошки хлеба почти из рук. Так в мыслях и прошёл вечер, гости разошлись. Жена уснула быстро, уставши за день, он же взял курево и вышел. Весь двор был залит лунным светом. Влад присел на порог. От такого красивого вида он совсем успокоился, говоря сам себе:

– Ничего, всё будет хорошо, должно быть хорошо! Шли дни, Човырёвы жили как прежде, занимались хозяйством да огородом... Последнюю неделю все хуторяне были на покосе, надо было быстрее управиться, пока погожие дни стоят. Как то вечером мужики возвращались с покоса, шли, разбившись по два, по три, последними шли Влад с соседом Тимохой. На окраине хутора Влада окликнула девочка, стоявшая поодаль.

– Дяденька, дяденька, тут вам передали, – и протянула узелок. Пока он развязывал, девочка убежала.

– Тимоха, чья девчонка-то, не знаешь?

– Точно не припомню, по-моему, Шареевых, такая же, рыженькая.

Развернув узелок, Влад изменился в лице, перед ним было несколько небольших пузырьков разного цвета, и береста, скрученная в трубочку, перевязанная чёрным шнурком, он сразу понял, кто их послал. Связав обратно узелок, Влад остальной путь шёл молча. Дома прошёл под навес к камню и повесил узелок над ним.

– Ну, вот краски получены, когда теперь Сумчиха даст знать, что пора? – размышлял он.

– Скорее бы уж! А то после этих полученных красок покой пропал, да и сон не идёт.

Но всё решилось быстрее, чем он ожидал, на следующую ночь, как обычно, присел у забора покурить и как всегда думал о своём, про свои заботы.

– Здравствуй, Владушка! – голос Сумчихи как всегда напугал его. От неожиданности он вскрикнул.

– Ну что ты так пугаешься всё время? Что дрожишь? Не рад, что ли? – спросила она ехидно. – Не скучал ли? – продолжила она издеваться. – Ну да ладно, пришла напомнить тебе, с этой ночи пиши, за три ночи надо успеть управиться, да помни – писать будешь только пальцами, пиши строго, как в бересте написано, пиши, в смысл слов не вникай, всё равно не поймёшь.

– Но ведь я никогда такого не писал, а вдруг ошибусь, – тихо сказал он.

– Ты пиши! – сказала она и ещё злобней добавила:

– Не твоего ума дело, пиши, да помни, о чём до этого говорили.

– Да, да, конечно, я сделаю всё, как ты сказала, – согласился быстро он.

Она исчезла так же внезапно, как и появилась.

Влад, чуть помедлив, пошёл к навесу, достал краски и, обмакнув указательный палец, стал легонько пробовать проводить первые линии, но тут начались первые трудности, краски странным образом быстро впитывались в камень, и когда он поправлял линии, то водил пальцем уже по сухому, от этого кожа на пальцах быстро краснела, и было больно продолжать.

К утру на правой руке все подушечки пальцев были стёрты. Во вторую ночь пришлось писать левой рукой. Пальцы его кровили, морщась от боли, он продолжал наносить штрихи, получалось, что строки на камне писались, действительно, кровью.

К третьей ночи все пальцы были стёрты, и ему пришлось писать обратной стороной, костяшками. На его руки было страшно смотреть – стёртые в кровь, опухшие, все в ссадинах, будто не писал он, а кайлом в руднике махал.

– Ну, вот и готово! – перевязывая руки полосками льняной тряпицы, сказал он.

– Кровью, через боль писал, не спал три ночи, упрекнуть не в чем. Боже мой – на надпись три дня ушло, кто бы мог подумать!

Рассвело. Влад ещё раз перед уходом взглянул на свою работу, вместо ожидаемой мазни увидел красиво украшенный текст со встроенными непонятными значками, которые иногда напоминали изображения диковинных птиц, а ниже текста почему-то появился лик, с гордо вскинутыми бровями, чёрными большими глазами, упрямый овал лица и надменное очертание губ. Он смотрел и не верил – откуда лик-то? Ведь он только писал текст. Вдруг его осенило.

– Боже мой! Да это же Сумчиха, только молодая. Да! Да! Точно она! Не думал, что она так хороша была в молодости.

Лик и правду получился необычный, он был как бы в глубину, поэтому казался объёмным, все линии оттенены так, что казалось, образ двигался, загадочные краски предали ему небывалую живость. Да! На редкость красиво выглядело.

Влад долго смотрел и не мог понять, как это у него так получилось, пальцами такую красоту сделал, ведь просто писал, а тут вон что вышло.

– Краски-то видно не простые дала мне Сумчиха, – подумал он и, постояв ещё немного, накрыв тряпицей камень, пошёл в дом. Жена встретила вопросом, спросила:

– Не слышал, говорят, Сумчиха умирает? Третий день отойти не может. Видно много на ней грехов?

– Ты чего, жена, переживаешь, придёт час умрёт, – сказал он ей в ответ.

– Так люди говорят, тебя кличет, все косятся теперь! – возмутилась она.

– Да ладно тебе, мало ли ей в голову взбрело! – успокаивал Влад жену.

Ближе к обеду зашёл сосед Тимоха и сказал, что Сумчиха померла. Некоторое время все молчали.

– Ну, умерла, на то воля Божья, – сказала Радка и добавила:

– Теперь на хуторе хоть тихо будет, люди бояться не будут!

– Может и так, – согласно кивая, сказал сосед Тимоха.

Пообедали молча. Провожая Тимоху, Влад тихо, чтобы не слышала жена, попросил:

– Слышь, сосед, ты вечером помоги мне валун на телегу загрузить, одному не управиться.

– Добре, помогу, а когда приходиться-то? – переспросил Тимоха.

– Да как стемнеет, так и приходи, – сказал Влад.

– А что, не сгодился в хозяйстве валун-то? – хитро спросил Тимоха. Пришлось ему вкратце рассказать то, о чём просила Сумчиха.

– Не боишься выполнять такое? – спросил с испугом Тимоха.

– Боюсь, а что делать? Не выполнить её наказ ещё страшней, – ответил Влад.

– Ладно, пойду, как стемнеет, приду, – сказал Тимоха.

– Тимоха, ты выпивку возьми с собой, когда поедем, хоть выпьем для духу, всё же дело, вон какое, – попросил Влад.

– Хорошо возьму, – уходя, сказал Тимоха.

Влад ещё постоял, смотря в окна ведьминой хаты, на душе было как-то беспокойно.

В середине дня к хате Сумчихи подъехала повозка. Умирая, она просила, чтобы её погребли в тот же день. Людей во дворе не было, только прибывшие с повозкой четверо мужчин стояли у груши, молча смотрели себе под ноги.

Когда подошло время, они зашли в хату и вынесли красный с чёрными зигзагами гроб, осторожно поставили его на повозку, также укрытой красным покрывалом с чёрными зигзагами. Затем стали по обе стороны повозки, дожидаясь нужного времени.

Соблюдая приличия, Владу, как соседу, надо было зайти, ведь столько времени прожили рядом. Он прошёл во двор, медленно подошёл к гробу и положил в него немного денег. Все четверо могильщиков еле заметно, презрительно усмехнулись. Были они все на одно лицо и совсем одинаково одеты, в чёрные длиннополые одежды и чёрные головные уборы, похожие на скифские шапки. Всё выглядело как-то необычно, даже эта повозка, она будто из далёких времён, таких сейчас не делают, вся резная тёмно-коричневая, из дорогого дерева, по углам резные звери в виде пантер, по бокам тоже резьба в виде диковинных птиц среди цветов, в такой повозке не каждого вельможу раньше хоронили.

Влад перевёл взгляд на мёртвую Сумчиху, лицо её было бледное, но даже сейчас, оно выражало гордость и надменность. Одета она была в богатое платье, красное с чёрными зигзагами, на лбу такая же лента. Он узнал этот наряд, тогда, в его видениях эти вещи были на ней. И хотя людей не было, ощущение похорон важного человека не покидало его. И эти четверо, кто они, откуда явились, да ещё в такой необычной одежде, Влад прежде и не видел такой, а лица их, они были как бы из другого времени, и также выражали гордость и надменность, что и лицо мёртвой Сумчихи. А четвёрка вороных коней, они отливали сильным блеском, словно их покрыли лаком, кони были крупные, мускулистые, их и близко нельзя было сравнить с хуторскими. Видно, там, в неведомом мире, эта старая женщина очень важна, коль такое сопровождение прислали.

Пришло время. Повозка тронулась со двора, за ней степенно пошли четверо незнакомцев. Процессия двигалась медленно и когда повозка проезжала мимо хат, люди выходили и провожали взглядами, кто-то по старому обычаю кланялся, понимали, с ней хоть и беспокойно было, но ведь многим и помогала, а лихие люди так и вообще десятой дорогой хутор обходили. Он подождал, пока повозка скрылась за извороткой, и пошёл к себе.

Остаток дня молча просидел у забора на бревне, где сидел обычно, когда ему было нехорошо, у него было двоякое чувство и чувство облегчения и чувство утраты, трудно понять, чего больше.

Как стемнело, пришёл Тимоха, он был изрядно выпившим и трещал без устали.

– Один ты, Влад, трезвый, не рад, что ли? Все мужики рады, уже не по одной чарке выпили, – не унимался он.

– Я позже выпью, хотя чему радоваться, смерть и есть смерть, – отозвался Влад.

– Но ведь ведьма умерла, – возразил Тимоха.

Влад прервал Тимоху, его раздражало бестолковое суждение о ведьме.

– Ты забыл видно, Тимоха, кто твою дочь вылечил? А? Кто Ивлоху и многих других на ноги поставил? Да она нам лучше любого лекаря была! – сказал Влад.

– Но ведь и шкодила немало? – пытался не соглашаться Тимоха, потом добавил: – Хотя твоя, правда, ещё не известно, что лучше, с ней или без неё.

Уже в полной темноте они загрузили камень на телегу и выехали со двора к кладбищу.

– Слышь, сосед, как выгрузим, я сразу обратно, даже мне не по себе на погосте, выпивка и та не помогает, – сказал Тимоха.

– Хорошо, сразу уедешь, – успокоил Влад соседа.

Ехали не быстро, но телега всё равно грохотала в ночи, казалось, все знают, куда они едут и зачем. А тут ещё луна вышла, стало совсем светло.

– Что ты будешь делать, тебя не хватало! – ворчал на луну Тимоха.

Где-то, через полчаса приехали. Влад зажёл керосинку и подошёл к могиле. Могила была накрыта тем красным с чёрными зигзагами покрывалом, что было раньше на повозке, и выглядела как большое тёмно-красное пятно, по углам могилы были воткнуты четыре шеста, на них нанизаны четыре ворона, всюду разбросана дорогая битая посуда. Всё это выглядело при свете керосинки особенно зловеще, пламя лампы плясало, от этого на могиле тени мёртвых воронов словно оживали и рвали когтистыми лапами невидимую мертвечину, а складки покрывала создавали тени и плавно двигались, казалась, что Влад с соседом стоят в яме по колени в крови. Тимоху трясло.

– Давай быстрее сгружаем, да я поеду, у меня вон волосы уж шевелятся, – шептал, заикаясь, сосед.

– Сейчас, сейчас, ты выпей ещё, да и мне дай, а то мне тоже жутковато от такого вида, – также испуганно ответил ему Влад.

Подъехав как можно ближе к могиле, они спустили камень по доскам почти на нужное место. И пока Влад лагой поправлял камень, Тимоха с грохотом умчался в сторону хутора, далеко в темноте раздавался его голос: «Пошли, пошли быстрее!» – подгонял он лошадей. Влад установил теперь уже ставший памятником камень как надо и присел рядом, вытирая пот со лба.

– Вот и всё обещанное выполнено, – засмеялся он коротко, как безумный.

– Всё, всё я теперь свободен... – он уткнулся в могильный холм и плакал. Потом успокоившись, поднёс лампу и стал смотреть, он долго смотрел на этот гордый красивый лик, затем нежно провёл рукой по овалу лица и, не выдержав, поцеловал холодные губы на памятнике.

– Ну, всё, покойся с миром! – сказал, прощаясь, он.

Влад был счастлив, теперь никто не будет мешать им жить, никто не будет висеть страшным грузом над их головами. Но не знал он, радостный, что поцеловав образ на памятнике, не всё, но многое, чем обладала Сумчиха, перешло к нему, и теперь он звёздными ночами будет наводить страх на всех, теперь он будет донимать молодых красавиц, а народ прозовёт его Човырём и жить он будет в той же хате под вековой грушей, так же будут дети и взрослые обходить стороной его жилище и называть это место «Чёрной грушей».

Только не это будет заботить его, сидя долгими вечерами у окошка, и даже не то, что не будет у него семьи, а то, что не мог он забыть синеокою красавицу, в какую обращалась Сумчиха и её долгий поцелуй, изменивший его в судьбу.

И как в первую после похорон полночь с нетерпением будет ожидать гостью в красном платье с чёрными зигзагами и, кланяясь ей в пояс, провожать её к колдовскому столу. И когда,

сидя у старого зеркала, колдунья во времени, спросит его, что выбирает он сейчас, житьё как прежде с семьёй, с деревенскими хлопотами или обладание закрытой силой и общение с ней, то Влад, упав ей в ноги и обхватив руками красные сапожки, с горячностью произнесёт:

– С тобой, конечно, с тобой!

Он не захочет использовать последнюю возможность стать таким как прежде. А на следующую ночь Сумчиха всё больше будет молчать, а перед рассветом, уходя, ведьма пристально посмотрит на него и как-то словно с досадой промолвит:

– Владушка, Владушка, ты и впрямь стал Човырём! Она уйдёт ночью и только сказанное ею, словно эхо

трижды разнесётся вокруг: Човырь, Човырь, Човырь. Влад кинется к открытой двери и жалостно крикнет в пространство:

– Не покидай меня, не покидай, окаянная... Сердце вырвала... Душу запеленала... а-а-а!.. – он обхватит голову руками и зарыдает.

Продолжение

Было ранее утро, от земли шёл пар, хутор ещё дремал, на другой стороне улочки выла собака, и этот вой выделялся из звуков, нагоняя беспокойство и неуверенность. Влад встал, некоторое время сидел, молча уставившись в одну точку, и не мог понять, это будет какая по счёту ночь, как схоронили Сумчиху, но тут ему пришла простая мысль, а какая, в общем-то, ему разница, какая ночь.

Так, немного посидев, решил затопить печь, дрова, потрескивая, нагоняли на размышления.

«Я ли это, со мной ли всё происходит? Или вот сейчас откажусь, и станет всё как прежде? Как так произошло, что я не заметил, как затянуло, как изменилось сознание? Я, который всегда всем говорил, что нужно быть сильным, управлять своими желаниями и вдруг сам, словно неразумное насекомое, попал в световую ловушку? А с другой стороны, это ведь не просто соблазн красотой, тут другое, скрытые заветные знания и такие, что дух захватывает от понимания, что можно над людьми делать, как влиять на судьбы. Если бы раньше кто сказал, то в жизнь не поверил бы, даже сейчас, когда уже много раз видел колдовство в действии, и всё равно сознание не верит в происходящее».

Он сел у окошка и стал ждать сумерек, ведь Сумчиха обещала все эти девять ночей приходить, но ведь что странно, после её ухода становилось ещё страшней, со старым миром он почти порвал, а вот новый пугал, и понять этот мир было непросто.

Вот прошлым вечером, проходя мимо старинного зеркала, заглянул в него и остолбенел. Там в отражении, словно за окном, виднелась зелёная лужайка, трава изумрудная, сочная, по траве кое, где цветы полевые, жёлтенькие всё больше, цветы красивые, необычные. Сама картинка как будто плыла, словно марево в летнюю жару.

Влад, было, хотел уже отойти, как вдруг в зеркале появились огромные глаза, страшные, лилового цвета, они немигающе смотрели на него, он отошёл и стал дальше у печи, глаза скопились на него. Не выдержав, он закричал:

– Что, что тебе надо? Теперь я здесь живу, я! – глаза исчезли.

Влад в горячности подумал, а может, выбросить зеркало, ведь теперь он же здесь хозяин? Но при этой мысли его замутило.

«Ты хозяин? Нет, ты ещё не хозяин, ты букашка, не имеющая пока сил. Ты спи эти дни, спи и жди хозяйку!» – крутилась в голове чужая мысль.

Он начал засыпать и сквозь сонную пелену ему слышались то шаркающие шаги, то негромкие голоса и смех, потом чужой голос прошептал: «Даша, то есть Дарья Ильинична здесь пока хозяйка, а ты пока спи, спи, не думай, ты привыкнешь ко всему, спи», – наказывал чужой голос.

Влад проснулся от ощущения, что на него кто-то смотрит. Так и было, за столом сидела Сумчиха, спокойный холодный взгляд был направлен на него. Он быстро встал и подошёл к ней.

– Здравствуй, Дарья Ильинична! – как-то робко сказал Влад.

– Здравствуй мне говоришь? Да ты и впрямь иногда дуреешь, что ли? Покойнице здоровья желаешь! – со злой иронией ответила она.

– Ну тогда я рад, что вижу, что пришла... вот... и... – он бормотал ещё что-то сбивчиво, было трудно понять что.

– Не пойму что ты говоришь, ты бы понятней говорил, – сказала ведьма.

– Да я вот говорю, что вроде обживаюсь, тут иногда такое, что и словами трудно выразить, – невнятно твердил Влад.

– Да ладно, не суетись, присядь уже, – повелительно сказала ведьма.

– Может узвару или ещё чего? – предложил Влад. Сумчиха хмыкнула.

– А... ну да, ну да... Снова я не подумавши сказал, я просто когда тебя... вернее, Вас, вижу, теряюсь всегда. Вы в этом обличии меня вроде как пугаете, мне холодно и страшно, как перед снежной лавиной, вот поэтому мысли скачут и путаются...

– Привыкнешь! – перебила его ведьма.

– Да! Да! Конечно, привыкну, но наверно ещё немного времени надо, – согласился он.

– И место, и хата – здесь всё непростое, я столько лет прожила в этой хате, – сказала ведьма.

Она встала, прошла к зеркалу, потрогала его рукой, потом прошла к кровати и села на неё.

– Что, Владушка, спал на моей перинке, а? Как, мягко? – спросила она.

– Нет, нет, что ты? Как можно, я тут на скамье спал, – быстро ответил он. Влад чуть помолчал, а потом, осмелившись, спросил:

– Дарья Ильинична, а может на время в Миланью войдёте?

Сумчиха пристально посмотрела на него, а потом как-то спокойно сказала:

– Нет, Влад, в Миланью я девять дней и ночей не могу войти, а вот назад, когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, могу. Ну что, желаешь меня увидеть такой моложавой, как ты?

– Как на твоём памятнике? – спросил он неуверенно.

– Нет, Владушка, красивше, камень не может передать всего, хоть тот камень и не простой. Ну что, будешь мне помогать? – сказала Сумчиха.

– Буду, конечно, буду, – ответил он.

– Ну, тогда натаскай в бочку свежей ключевой воды и в печь заложь большие полена, чтобы долго горели, – распорядилась ведьма.

Сделав всё, что поручала Сумчиха он спросил, может, что ещё сделать?

– Да вроде всё, теперь хочешь – будь здесь, хочешь – уходи, позже зайдёшь!

– С твоего позволения я побуду здесь, рядом, – попросил Влад. Ведьма ушла за печь, вернулась раздетая, в одной руке у неё был пучок каких-то трав, в другой прозрачный красивый флакончик с тёмной жидкостью.

Она подошла к бочке и вылила в неё жидкость, сразу же над бочкой поднялся зеленоватый пар, затем она подожгла пучок травы от печи и когда трава сильно разгорелась, стала умываться огнём, так она умыла лицо и тело, умывала всё очень тщательно. Странно, но трава горела долго и не перегорала, как обычно бывает, наверное, оттого, что она всё время читала заклинания, да и кожа её не была обожжена. Остаток травы ведьма кинула в печь с возгласом:

– Перенеси от Мары к Живе!

После этого Сумчиха залезла в свою большую бочку и погрузилась по шею в варево, и вновь начала читать свои заклинания на непонятном наречии, пар плотно окутал всё вокруг

бочки, действие продолжалось довольно долго, от монотонного звучания заклинаний Влада тянуло в сон, он еле-еле сдерживался, чтобы не уснуть.

– Влад! – позвала она, потом приказала: – Там в углу на этажерке гусиное крыло, подай, забыла в суете.

Он взял крыло и подошёл к бочке. То, что увидел, испугало так, что Влад с криком отскочил.

Ведьма выглядела, как кровавый кусок мяса, на ней не было кожи, волос тоже не было, в его голове мелькнула мысль: «Наверно обварилась, а кожу невзначай сорвала, вот и кровит».

– Перестань уже пугаться и дай мне крыло быстрее! – зло сказала она.

Он подал крыло, а в голове крутилось: «Так вот откуда в сказках народных взялось – прыгни в чан сначала с кипятком, затем с колодезной водой, а потом в молоко, видно кто-то случайно или нет, но видел обряд преобразования и описал его, но преподнёс как сказку, наверно для того, чтобы незнающие люди сдуру не повторяли».

Голос Сумчихи прервал его рассуждения:

– Там ещё ткань жёлтая лежит рядом с сундуком, подай. Влад быстро подал.

Она сначала все капли с себя сбила гусиным крылом, а потом, укутавшись в ткань, стала напротив зеркала, так она стояла долго, и только разноцветное свечение выдавало, что происходит что-то важное, наверно, самое важное в обряде.

– Ну, вот теперь тебе может, не будет так страшно, – повернувшись, сказала она. На него смотрела уже не та старая Сумчиха, это была уже другая женщина. Гордо вскинутые брови, чёрные искрящиеся глаза с выражением озорства, длинные тёмно-каштановые волосы спадали на плечи, она была красива, но это была другая красота, красота ночи, таинственная и недостижимая, как манящий цветок на высокой скале. Она, широко улыбаясь, спросила:

– Ну что молчишь?

Влад смотрел, поражённый её внешностью, потом тихо спросил:

– Дарья Ильинична, ты ведь так красива, почему же замуж не вышла?

– Не вышла замуж почему? Был у меня парень, любили крепко друг друга, а как пожениться решили, было мне видение, пришла бабушка и сказала, коль я выбрала дорогу ведающих людей, обладающих скрытыми знаниями, то лучше замуж не ходить, вот так, милоч, – грустно сказала она.

– А как же парень тот разлуку перенёс? – спросил Влад.

– А не перенёс он разлуку, Владушка. Сначала встречаться продолжали, а как я сказала, что замуж за него не пойду, руки на себя наложил, зашёл в баню и поджёг, так и сгорел. Утром метель была, место, где была баня, занесло снегом, а когда растаяло, ручьи унесли всё в реку, даже и пепла не осталось, – печально пояснила Сумчиха. Пока она всё это говорила, у неё навернулись слёзы. Сумчиха продолжила:

– Долго жалела, мы ведь могли просто встречаться. Когда я набрала силу, то могла бы вызвать его из того мира хоть повидаться, но он сгорел, а сгоревших сложно вызвать, а тут ещё баня как назло стояла на непростом месте, получилось он себя в жертву принёс, так что он ушёл выше, позвать его почти невозможно, да и другая там сила, её спрашивать надо. Время боль мою приглушило, хотя воспоминания о нём добрые, особенные, как светлячки в темнущей ночи.

Она говорила сейчас по-другому, просто по-житейски, как обыкновенная женщина говорит о своём прошедшем. Влад слушал и не мог понять, перед ним Сумчиха или Даша, красивая, впечатлительная девушка, которая вот так запросто рассказывает про свою жизнь, даже жаловалась, как тяжело ей на душе.

Она снова продолжила говорить:

– А ты знаешь, Владушка, почему я на тебя внимание обратила, похож ты на моего парня, очень похож, даже вон глаза такие же серые, грустные, будто мечтаешь всегда о чём то.

« ...Ты позови меня вдаль...

Я днями готова идти...

И времени вовсе не жаль...

И трудности мне не страшны...

Ты позови меня вдаль...

Любимой своей назови...» – негромко прочитала она стих.

После прочитанного стиха она смолкла, а потом с болью сказала:

– Это я ему писала, совсем молоденькая была ещё. Ладно, давай сядем за стол, ты сам-то поешь, а то сил не хватит, вот так со мной ночи проводить, – потом, присев, продолжила:

– Вроде всё хорошо, но вот тепла, душевного тепла, Владушка, нет, одиночество связано с холодом незримой нитью, моя жизнь, как еда без соли, или как костёр из сырых дров без стоящего пламени, даже не знаю с чем, и сравнить, – она замолчала.

Ведьма грустно смотрела на керосиновую лампу на подоконнике, и только глаза говорили, что она вся в прошлом. Влад не хотел ей мешать и тоже молчал.

Сумчиха вновь заговорила:

– Молод ты, не знаю, поймёшь ли, мне иногда так скверно на душе, хочется хоть на денёк в юность, многое бы отдала за несколько дней юности, ведь даже хлеб в юности другой, намного вкусней, да всё другое и снег белей, и солнце ярче. А поцелуи, эти поцелуи юности, в них и запах ночной фиалки, и шум весеннего дождика, даже не передать всего, а посиделки у костра до зари, что их заменит? Вот так-то, но ты ещё так остро не ощутишь это, такое со зрелыми годами приходит, да и то не к каждому. Иногда такие ощущения приходят ко мне и сейчас, но на секунду, может на две, и ты твёрдо понимаешь – вот они, сердце начинает биться по-другому, ты вдыхаешь воздух глубоко и всеми силами пытаешься удержать эти ощущения, но они также внезапно уходят, оставляя такую досаду, хочется бежать, догнать их, но ты понимаешь, что это невозможно, и у тебя комок к горлу подкатывает, на глаза наворачиваются слёзы, а довершает всё тяжёлая мысль, как же мы были расточительны в юности!

Всё это она говорила тоскливо с расстановкой, временами глубоко вздыхая, казалось, что ведьма рассказывает, чью то повесть.

Влад оторопел, он никак не ожидал от Сумчихи таких откровений, не ожидал, что эта сильная волевая женщина вот так запросто расскажет про свою жизнь, да как, так что захотелось пожалеть её, сказать какие-нибудь слова участия. Но он всё же сдержался, понимая, что его слова, в общем-то, не уместны, скорее всего, они бы ещё больше нагнали грусти на неё.

Вдруг Сумчиха громко засмеялась и с иронией сказала:

– Я в гости пришла, к себе в гости! – затем резко прервала смех, и предложила: – А что, Човырь, может, станцуем? Время ещё есть...

– Как хотите, Дарья Ильинична, – согласился Влад.

– Да нет, грусть на себя нагнала, потом станцуем как-нибудь, мы теперь надолго вместе. Ну ладно, пора мне, никак не могу привыкнуть, я всегда была сама хозяйка времени, ну ничего, теперь уж мало осталось терпеть. Ну а потом погуляем по околицам, учить тебя буду всему. Её глаза блеснули лихим огоньком. – Ты не провожай меня, завтра жди как обычно, после полуночи, а пока ложись спать, спи, пока возможность есть, потом ночи бессонные пойдут.

Она ушла незаметно. Влад ещё долго сидел, размышляя о том, что рассказала ведьма, и только когда стало светать, лёг.

Снился ему луг, на котором всегда косил траву для своей скотины. Видится ему во сне, будто делает мах косой, трава подкошенная падает, но пока он делает следующий замах, трава вновь на своём месте, словно и не скошена была. Снова коса подсекает траву, трава, подкошенная падает, но перед замахом опять на своём месте. Вот так он и махал, пока не услышал голос справа от себя:

– Ты возьми парень моё точило и им косу поточи! – перед ним старец. Седовласый старейшина в белой льняной старинной рубахе, седые волосы его охватывало красное очелье, он протягивал точило.

Но тут второй голос слева:

– Возьми и моё точило! – произнёс человек в непонятном пёстром одеянии.

Он тоже протягивал точило, но у него всё было не наше, и лицо другое, волосы и глаза чёрные как уголь, и одежды чужие, у нас такие не носят, да и голос вкрадчивый, слащаво-обещающий, так не говорят на хуторе.

Влад взял точило у седовласого старца и, поточив косу, стал косить, трава ложилась легко и ровно, так он прошёл быстро большой участок покоса.

«Хорошо! А дай чужое второе точило попробую, а вдруг ещё быстрее пойдёт косьба?» – подумал он.

Взял второе точило и им поточил косу. Но косьба пошла по-другому, коса всё не так шла, а потом и вовсе так в землю воткнулась, что пришлось её с невероятным усилием вытаскивать, но при этом лезвие косы со звоном сломалось, и обломок впился в ногу, но обломок не остановился, а стал резать дальше ногу и ползти вверх, как змея. Кровь залила вокруг всю траву, боль невыносимая, а главное безумный страх, страх сковывал и не давал пошевелиться, и когда осколок лезвия косы приблизился к животу, Влад с криком открыл глаза, весь разбитый, он ещё какое-то время приходил в себя от увиденного во сне, потом пошел, напился холодной воды и сел у печи, полностью подавленный таким сном.

– Нет, хватит! Всё надоело, что я затворник какой? Пойду к соседу схожу, хоть новости хуторские узнаю, да и о своих расспрошу! – сказал он сам себе.

Приведя себя в порядок, надев выходные вещи, пошёл. Подойдя к хате соседа, стучать не стал, а сразу прошёл во двор. Под навесом, что-то напевая, сидел Тимоха, чинил конскую упряжь. Влад радостно поздоровался:

– Здорово живёшь, сосед!

Тот не ответил, лишь кивнул головой.

– Что, и ответить не хочешь, я ведь худого тебе не делал? – сказал Влад.

– Здоров, – буркнул Тимоха.

Влад пытался разговорить его:

– Слышал, ты себе дальний покос взял, как сам-то, справишься? – спросил Влад.

– А тебе кака забота, справлюсь иль нет? Не справлюсь – люди помогут, – недружелюбно сказал Тимоха.

Разговора не получалось. Влад предложил:

– А может, выпьем, как раньше, посидим, прошедшее вспомним, а, сосед?

– Ну что же, давай выпьем, поговорим, – согласился Тимоха и добавил: – Ты в хату приходи, я сейчас принесу всё, что надо.

Влад прошёл. В комнате, кроме грубого стола да двух таких же грубых скамеек, почти ничего не было, полка с посудой возле печи и всё. Влад сел на одну из скамеек и стал дожидаться соседа. Тимоха зашёл, сжимая в одной руке бутыль, в другой чашку с квашеной капустой, той же рукой он прижимал к груди кусок солонины. Выпили. После выпитого Тимоха сразу заговорил:

– Ты скажи мне, Влад Човырёв, что тебе не хватало? Жена хорошая, сын такой хороший парень, покос лучший, хозяйство большое, чего тебе ещё надо было, а?!

– Ну что ты так, сосед, по фамилии, давай говорить как раньше, по-свойски. – Выпили ещё.

– Про моих что слышно? – спросил Влад.

– А что твои, у них всё хорошо, – ответил Тимоха.

– Радка ничего про меня не спрашивала? А сын Лекша? Тимоха отрицательно покачал головой и уставился на Влада.

– Ну что же, слушай, коль спросил, – начал рассказывать Влад.

– Знаешь, с чего всё началось?

Как-то давно на ярмарке я увидел Миланью с соседнего хутора, раньше видел её совсем девчонкой, а тут увидел – такая красавица, и стан, и лицо, одно загляденье. В своих мыслях слабину себе дал, такая страсть у меня к ней появилась, нет, не любовь, а именно жгучая страсть, я даже испугался и решил, больше её не видеть, но вот беда, когда я на неё пялился, мой взгляд Сумчиха перехватила, она в сторонке стояла и смотрела, тогда я этому значения не придал. После той встречи стала Миланья мне во снах сниться, всегда голая, то в ромашковом поле стоит, то на травке бесстыдно лежит, а то в речке плескается в сиянии радуги, глаз не оторвать. Не знал я тогда ещё, что всё это Сумчиха устраивает, и в мои сны она вмешивалась.

Как-то не спалось мне, вышел во двор, а тут такое – Миланья стоит за забором, полностью голая и зовёт меня по имени, да зовёт так нежно, что не удержался я и пошёл за ней в ночь.

– Да ладно, сама к тебе пришла? – с удивлением спросил Тимоха.

– Да ты слушай, не перебивай, а то не поймёшь всего,

– с раздражением сказал Влад и продолжил: – Не Миланья то была, а Сумчиха, понял? В Миланью она обернулась на ночь, чтобы меня соблазнить.

– Обернулась? – не понимая, спросил Тимоха.

– Ты слушай, потом всё поймёшь. Сумчиха в Миланью, говорю, превратилась и меня увела на луг за хутор, там всю ночь целовались, не было воли этому противиться, слабым на волю оказался, видать, – объяснял Влад.

– А почему именно тебя, что в тебе такого? – ехидно сказал Тимоха.

Не обращая внимания, Влад продолжал:

– А самое главное, не было Миланьи, никого не было, это всё в моей голове было – Сумчиха всё мне в голову вложила, вот так, – продолжал Влад.

– Чёта я не пойму, то пришла голая и повела на луг, то не было никого, ты говори толком! – не понимая, переспрашивал сосед.

– Ладно, постараюсь объяснить, если смогу. Она ведь не просто ведьма, как многие себе представляют, она многое, очень многое может делать. Я как-то зашёл с пустыря и заглянул в неприкрытую ставню, если рассказать, то трудно поверить. Это теперь меня трудно уже так удивить, а тогда я испугался до обморока, на моих глазах она из старой бабки в молодую красавицу обернулась, единственное, что её отличало от настоящей Миланьи, это глаза. У Миланьи настоящей глаза тёплые, скромные, а у этой наглые, бесстыжие. А ещё, сосед, она сама может спать, а дух её в кошку или собаку перейти. И главное, она с тем миром умерших общается, и ещё с такой силой, что страшно даже думать, так что я всего и сам не знаю. Что не веришь, поди? А давай тебя спрячу в чулане, сам увидишь.

Тимоха испуганно возразил:

– Да ты что, я даже близко к Чёрной груше подходить боюсь, в хату тем более не пойду, у меня и сердце от страха остановится, – испуганно возразил Тимоха.

– Тогда как же мне доказать, что всё – правда? Как? А хочешь, сосед, я кровь остановлю из раны, или боль уйму? Теперь ведь я тоже кое-что могу! – уже нетрезво говорил Влад.

– Да нет, не надо, я верю, тебе надо уходить, жинка скоро придёт, не хотелось бы, чтобы она тебя здесь видела, – сказал Тимоха.

– Ладно, пойду я, мне и самому пора, скоро гостя придёт, – сказал Влад.

– К тебе гости ходят? – удивлённо спросил Тимоха.

– Да, приходят, по праздникам большим, – в ответ съязвил Влад.

Тимоха вдогонку крикнул:

– Ты огородами выйди, чтобы не видели, а то пересуды пойдут, а мне они не нужны!

Влад вышел огородами на околицу, хмельное брало своё, в голове крутилась навязчивая мысль, а может сейчас рвануть к настоящей Миланье? Да её хутора вёрст десять, нет, не успею назад вовремя, а если плюнуть на всё, и... Но эта мысль так напугала его, что он, не мешкая, заторопился к Чёрной груше.

Зайдя в хату, успокоился, и даже проходя мимо зеркала, показал ему язык, затем попрыгал на Сумчихиной перине, прошёл к этажерке и стал рассматривать лежащие на ней вещицы, но, не поняв их назначения, продолжил полный осмотр хаты, чего раньше он себе не позволял. Что только ему не попадалось на глаза: непонятные фигурки животных, шкуры волчьи и много чего ещё. «Странно, – подумал Влад, – хата сама маленькая, а сколько всего в ней находится». Но тут вспомнились слова ведьмы – хата и всё в ней необычное, потаённое.

Так за осмотром и не заметил, как наступила полночь. Сумчиха появилась чуть позже обычного, прошла за стол и, посмотрев на Влада, стала отчитывать:

– Ты зачем пил? Что, забыл, нам ведь совсем нельзя пить? Это удел слабых – пиво да разную гадость пить! Я ведь тебя выбрала не зря, у тебя есть то, чего нет у многих, а ты вот так традишь силу попусту! Что молчишь? Ты понимаешь, что я тебе говорю? Ещё пара отступлений от правил и... ну... ты, наверное, знаешь, что я сделаю!

– Да, знаю, вернее понимаю, что будет – согласился Влад.

– Ладно, прощаю, небось, бегал к соседу, душу изливал, так спросил бы у меня. Что тревожит тебя, ну спрашивай, что волнует тебя? – сказала ведьма.

– Да я у соседа про семью спрашивал, да и так просто поговорили, про то, про сё.

Ведьма подошла и, взяв его рукой за подбородок, пристально посмотрела в глаза.

– Никогда не смей мне врать, Човырь! – грозно сказала она – Никогда! Понял? Скрыть не скроешь, а вот разозлить сможешь! Спрашивай, всё спрашивай, если есть непонимание!

– Дарья Ильинична, скажи, а зачем ты Захария, ну... в общем, сердце его остановила? – как можно мягче спросил он.

– Зачем? Он однобокий был, твой Захарий, правила нарушил, всем добреньким хотел быть, всё думал, что люди сами исправятся, всех прощал. А так не должно быть, не должно! Вот скажи мне, если у тебя скот украдут, а? Или ещё что хуже случится. Я лучше любого закона, меня бояться посильней властей, тогда, помнишь, у Матвеевой мужа убили? Что сказал твой Захарий вдове? Ты, говорит, прости убийц! А как же дети Матвеевой, кто их на крыло ставить будет, кто вдове поможет? Вот так-то! А пришла ко мне вдова, я обряд сделала и в течение полгода все трое утопили! Так кто из нас прав, я или Захарий, что молчишь? Кому какая правда нужна? – ответила ведьма.

– Но у тех троих, может, тоже дети? – возразил Влад.

– Нет, Владушка, каторжники они бывшие, всю жизнь разбоем жили. Ты рассуждаешь, как не ведающий человек, оттого такие вопросы задаёшь, ты спроси ещё, почему у коров молоко сдаивала? Да чтобы хозяйки вовремя худобу доили! Зачем крынки с запасами опрокидывала? А чтобы погреба с едой от мышей дымом окуривали да соломой укрывали бы, вот и поучала нерадивых! Так что это только для всех, кажется, что всё просто, что плохая я, а я для особого порядка в этом мире, а порядок не может быть однобоким как у твоего Захария. А скольких людей я вылечила, что же ты этого не вспоминаешь? Ты ещё вспомни, что я ещё Савелия калекой сделала, так пусть за чужими бабами не волочитя! – отвечала горячо Сумчиха.

– Да ты такая, как же он мог устоять? – не согласился Влад.

– А воля где? Где заповеди предков? Забыли, что в Ведах записано? Я когда в Миланью входила, что не видела, как ты пялишься? Что не так? И сегодня ты даже хотел к ней сбегануть, мне твои мысли известны и вообще, все, что ты думаешь, для меня ведомо, всё как на ладони написано. А что иногда шалю, так это издержки, так сказать, потом сам поймёшь. Что ещё хочешь спросить, спрашивай! – пояснила она.

– Да нет, теперь, вроде, всё понятно, только вот с Савелием можно было и помягче, всё же из-за красоты пострадал, – сказал Влад.

При этих словах ведьма громко расхохоталась и долго не могла остановиться, потом весело сказала:

– Ладно, заступник, полечу я Савелия, станет как прежде, – и, продолжая смеяться, добавила: – А может, станет даже лучше, чем раньше был.

– Дарья Ильинична, можно ещё спрошу, скажи, только как на духу, зачем я тебе? – как можно мягче, пользуясь ситуацией, спросил Влад.

– Я же тебе говорила на кого ты похож, и ещё на тебе много чего сошлось. Нас нить незримая связывает, эта нить уходит далеко во времени.

– Это как? – спросил он.

– А помнишь ведение, когда я на пиру у скифской знати была? К тебе ещё подходила, так вот я и в том времени своя, и дальше в глубину веков, я везде своя, а теперь задумайся, как ты смог увидеть скифский пир? Выходит, ты туда проник, не телом конечно, а сознанием. Телом проникать это высшая точка знаний. Так вот, не дели мир, как его делят люди, мир сложнее и интересней, мир многомерен и бесконечен, и в нём сверх величие Разума, но это всё ещё для тебя впереди, ты понимаешь меня?

Влад кивнул головой.

– Так ты говоришь, я с Савелием перегнула, он из-за красоты, выходит, натерпелся, надо же? – она вновь засмеялась.

– Развеселил, совсем ты меня развеселил, Човырь, ладно, пойдём, проводи. Во дворе, показывая на звёздное небо, сказала:

– В такую ночь хорошо по простору мотнуться.

– Это как, Дарья Ильинична? – спросил Влад.

– Скоро, совсем скоро начну учить тебя, – ответила Сумчиха.

– Дарья Ильинична, ты бы меня называла или Владом, а то я не могу понять, где ты с усмешкой, а где так, – попросил Влад.

– Хорошо, Влад, но и ты теперь... хватит ко мне по имени отчеству, величай меня... – она сделала паузу... – как в детстве меня величали, Дашей!

– Лучше уж я буду величать тебя как раньше, по отчеству, мне так проще, – не согласился он.

– Ну как знаешь, называй как удобней. Она сделала шаг и вдруг спросила:

– Слушай, в конце улицы Глафира Гараева живёт, как она тебе?

Он, боясь подвоха, ответил просто:

– А что, женщина как женщина, как и все.

– И что она тебе совсем как баба не нравится, или кривишь? А ну да! Ты же всё по Миланьи вздыхаешь. Я вот почему спросила, через девять дней мне уже легко будет хоть в кого войти, чувствуешь? Говорю, в другом теле ощущения острее! – она подмигнула и растворилась в ночи.

Влад стоял во дворе и всё осмысливал сказанные ведьмой слова. Глафира, зачем она ей? И тут его осенило: всё ведь совсем просто, она самых красивых и видных выбирает, знает, что мужики на красивых зарятся и часто устоять не могут. Да! Сумчиха видно что-то наперёд задумала, иначе не спросила бы. Знать бы, что у ведьмы на уме, может, кому и помог бы чем, но следом пришла сразу вторая мысль, а как помочь-то? Эх, голова прям кругом идёт, и то и другое, нет надо пойти поспать, а то всё спутал уже, день и ночь, сон и явь.

Он прилёг, но поспать, подольше не пришлось. Приснилась ему жена, будто сидит Радка на кухне и чистит картоху, и так грустно с упрёком говорит: «Что же ты ушёл, разве я тебя не любила? А может, ты не по своей воле ушёл? Так вернись, я ведь пойму!» Влад проснулся. В голове крутилась одна мысль: как же так, что же он про жену забыл, нет, надо быстрее в

Заозерье, увидеть Радку, попросить прощения, она добрая простит. Эх, дурень я, совсем разум потерял.

Влад вышел и быстрым шагом направился в сторону деревни Заозерье, настроение у него было хорошее, на дороге никого не было видно, так что с расспросами в душу некому лезть. Вот уж скоро и развилка дорог, а там сплошной лес до самой деревни, если кто и попадётся, можно меж деревьев спрятаться.

Он ускорил шаг, надо скорей в лес войти, не хотелось бы с кем-либо встретиться, но до леса дойти не успел, поперёк дороги, подняв пыль, резко встала повозка. Влад поднял глаза и вздрогнул, это была та самая повозка, на которой хоронили Сумчиху, на ней сидели те же могильщики с каменными лицами в чёрных скифских шапках.

Один из могильщиков спрыгнул и жестом показал сесть на его место. Тут Владу пришла мысль: а вдруг это тоже лишь видение или образы в его голове, навроде тех, что были тогда, когда он гулял с Сумчихой по лугу, а может и не надо слушаться, что они мне сделают?

И он не обращая внимания на жест могильщика, решил пройти мимо них и продолжить свой путь в деревню, но тут получил такой удар в лицо, что упал на землю, с повозки спрыгнул второй могильщик и несколько раз пнул его ногой, затем они бросили его на дно повозки, и помчались обратно в хутор Живица, к Чёрной груше.

Доехали быстро, перед двором резко остановились, могильщики со злобным выражением в лицах взяли его за руки за ноги, и занесли во двор, там бросили наземь и все четверо ещё раз попинали ногами, кто в живот, а кто по рёбрам. Повозка также быстро умчалась, как до этого быстро появилась на дороге.

Влад, охая, медленно втянулся в хату, сел за стол и с обиженным видом уставился в окошко, там уже опускалась темень. Кто же сказал им, как же они узнали, ведь никто не видел его, никто не знал о его намерении. Так за мыслями и не заметил, как наступила полночь.

Сумчиха в этот раз прошла сначала к зеркалу, пристально посмотрела в него, а затем уже прошла к столу. Она деланно всплеснула руками и сказала с издёвкой:

– Ой, Владушка, да кто ж тебя так отделал? Что, снова в окна подглядывал за бабами? Или с мужичьём рассорился, нет наверно, всё же здесь без баб не обошлось?

– Да ладно Вам, Дарья Ильинична, ёрничать, Вы же всё знаете, небось, сами послали своих друзей. Где Вы таких только зверей и отыскивали, слова не скажут, лица как из камня, а бьют так, что вон, наверно, рёбра переломали, дыхнуть больно, – сказал Влад.

– Больно это ничего, подлечу, – сказала она. – Тут другое, ты же сам сказал, что теперь со мной, а если со мной, то и с ними, а они не любят, когда отступаются, у них другое понимание мира. Эти в чёрных шапках мне не подчиняются, это сиги, те, кто за порядком следит, и во времени сигают, скажи спасибо, что так обошлось, ни будь ты со мной, была бы беда, с ними не шутят, вот так!

– Ну, Вы ведь на другом уровне понимания мира, у Вас столько знаний, почему же они меня вот так, как мужичьё ногами пинали? – возмутился он.

– А по другому, Владушка, пока вы, люди, не понимаете, вот видишь ты обиделся, значит они правильно тебя отдубасили, не могли же они объяснять тебе того, чего ты ещё не понимаешь, – пояснила ведьма.

– Ничего себе объяснения, рёбра ломать! – сокрушался Влад.

– Ладно тебе уже не стони, подойди лучше к зеркалу, – сказала она.

Он подошёл к зеркалу и встал, Сумчиха же взяла лампу и поставила её так на окно, чтобы оно, как зеркало, отражало всё то, что находится в комнате, затем натянула шнур от уголка зеркала к откосу окна, потом также натянула второй шнур, на шнуры повесила по покрывалу, получилось на вроде коридора от окна к зеркалу, сама же подошла и стала рядом.

– Ну вот, смотри в зеркало, не отрывая взгляд, смотри и всё запоминай, что увидишь, потом я объясню, что не понятно будет. Сумчиха начала читать заклинания:

..... Я.. ГА ...ИЙТА МА ИЙТА.... ВЕТЛУЩА ...АКО... ПОИЩА.... АКО
БО ОТ.... МЯЩА.... ЧУР...МОГАЕМО БРЗО.... МЯ.....

Она читала заклинания, но Влад не мог понять ни слова, что было произнесено, казалось речь, звучит русская, но настолько древняя, что разобрать, о чём говорится в заклинании невозможно. Она читала до тех пор, пока отражение в зеркале не исчезло.

– Ну что же, Влад, пойдём, – торжественно сказала ведьма.

Они вышли как в окно и оказались на залитой солнцем поляне, всюду ходили люди в старинных одеждах, вдали на пригорке пасся скот.

– Мы где, Дарья Ильинична? Хотелось бы знать, чтобы не оплошать, если что спросят, – полюбопытствовал Влад.

– Ты молчи, молчи и смотри, говорить тут могу только я, понял?

Они направились к группе людей, сидящих на ковре. Приблизившись, Сумчиха подняв руку вверх:

– Здрав будь, Белояр и вам други здравия! – громко сказала она.

– Здрава будь и ты, Дарислава, давно у нас не бывала! – сказал старший.

– Да всё дела, заботы разные, ты же знаешь, каково мне, Белояр? – ответила она.

Волхв важно сказал:

– Да, знаю дела твои важные, присядь, сейчас совещаться будем.

– Не могу я, Белояр, мне по всем своим местам надо пройтись, да и гость со мной! – ответила Сумчиха.

– Ну хорошо, удачи тебе, знай, мы всегда рады тебе, – напутствовал волхв.

Они пошли дальше, когда отошли за пригорок.

– А кто это, Даша? – поинтересовался Влад.

– Это главный волхв здешних, умнейший человек, – ответила она.

– А сейчас мы куда? – лез с расспросами Влад.

– Я покажу тебе место, где сходится время, по-вашему, – ответила она.

Пройдя ещё немного, они вошли в чашу леса, затем по тропинке дошли до большой скалы, в ней был вход. Сумчиха с Владом вошли в огромное помещение, но только стены этого помещения были настолько гладки, что в них всё отражалось.

– Ну, вот смотри, Владушка, теперь ты должен понять многое, – сказала Ведьма.

Он взглянул и ахнул, на правой стенке он увидел свою мать, мать была беременна и готовилась рожать, повитуха уложила её на топчан и начались роды, ещё мгновение и крик младенца оповестил, что он пришёл в этот мир, картинка резко сменилась, и вот уже пожар, пожар в том доме, где вырос Влад, затем всё исчезло. Влад вопросительно посмотрел на ведьму.

– Это не просто стена, эта Мага, она принимает из глубин поток, поток незримый, но живой, и как бы распределяет этот поток на ручьи времени, создаёт параллельности, прошлое и будущее, да много чего делает, я всего и сама не могу объяснить, не хватает разума моего, а ведь там, откуда идёт поток, ещё всё грандиозней, не охватить нашим пониманием, – объяснила Сумчиха.

– Дарья Ильинична, значит нить из зеркала, которая образ Миланьи довершила, что, отсюда шла? – спросил он.

– Да, прямо отсюда, но тебе казалось, что она из зеркала шла, теперь посмотри на стену, – предложила она.

Влад посмотрел, там он увидел хату Сумчихи, вокруг кто-то ходил, пытаясь заглянуть в окна, любопытным гостем оказался Егор со второй улицы.

– Ну, вот теперь ты увидел, как сиги узнали про тебя и твоё намерение пойти в Заозерье к своей жене, – пояснила ведьма. – Но как же они успели, мы вон, сколько шли? – недоумевал Влад.

– Да нет же, глупый, это мы в удовольствие шли, для порядка, а ведь можно и по-другому, – сказала Сумчиха.

Вдруг она что-то сказала и прикоснулась рукой к Мате. Всё исчезло, вновь хата, комната и они, стоящие перед зеркалом.

– Дарья Ильинична! – он от восторга задышался. Ведьма улыбнулась и сказала:

– Ну что, будешь ещё бегать без спросу?

– Дарья Ильинична, а зеркало, выходит, на вроде глаза Маты? – не унимался он. Она покровительственно сказала:

– Получается так, теперь ты кое-что понимаешь, а остальное со временем поймёшь.

– А мысли тоже там отражаются? – всё спрашивал Влад.

– Да, и мысли тоже, но в другой части, – ответила спокойно Сумчиха.

– Да! Вот это да! – Влад никак не мог прийти в себя от увиденного.

Сумчиха была довольна, что так поразила его, она смотрела, как у него от восторга светились глаза и важно улыбалась.

– Ну вот, Влад, пришло время, теперь ты научишься многому, завтра мы и начнём вместе вершить назначенное! – сказала она.

Она ушла как всегда незаметно, растворившись в ночи. В этот раз ведьма ушла задолго до рассвета, в эту ночь у неё было особое дело.

Когда она появилась на кладбище, призраки её уже ждали, каждый из них был возле своей могилы.

Сумчиха приблизилась к ближайшей могиле и, посмотрев на табличку, обратилась к первому призраку.

– Говори, Архип Пантелеевич, что хочешь передать?

Призрак поведал о своём:

– Давно это было, молод был, карту лишнюю подкинул в игре на деньги, пострадал тот человек невинно из-за меня, хочу, чтобы родственникам его передала, что я прощения прошу!

Она двинулась дальше, к следующей могиле и, посмотрев очередную табличку, вновь сказала:

– Говори ты, Людмила Сергеевна, что твоим передать?

– Грешна я, муж мой хороший человек, а я непутёвая, всё к чужим мужикам тянулась, не могла себя держать, передай, прощения прошу, – жалобно сказала она.

Ведьма посуровела и сказала:

– Ах, бесстыжая, что же ты, добить его хочешь? Он ведь на могилу ходит, вон цветы носит до сих пор, думает, что у него жена хорошая была, а ты смуту у него в душе посеять хочешь? Нет уж, пусть лучше не знает ничего!

– Но ведь без его прощения меня не пустят на древо Рода? – взмолилась та.

– Не буду передавать твою просьбу, не ко времени пока, – закончила с ней ведьма.

Дальше Сумчиха посмотрела очередную табличку.

– Ну, говори, Фрол без отчества, что твоим передать, вижу никто к твоей могиле не ходит, – сказала как бы с участием Сумчиха.

– Передай, тоже прощения прошу, что из семьи ушёл, детей малых оставил в трудное время, а у жены особое прощение прошу, она ведь одна троих поднимала.

Ведьма хмыкнула и, как бы насмехаясь, сказала:

– Да я погляжу, среди вас я ещё так себе, можно сказать, невинна, ну да ладно, продолжим. Так... на этой табличке только фамилия, что же говори, Демидов.

– А я не хочу ни у кого прощения просить, мне здесь хорошо и спокойно, – сказал безразлично Демидов.

Ведьма смотрела на него и думала, какой же это человек был несчастный, коль в миру никого не осталось, кто был бы ему дорог. Она посмотрела следующую табличку.

– Что скажешь, Надежда Николаевна, о чём поведешь? – спросила ведьма.

– На праздник у подруги парня увела, подруга не выдержала и с обиды отраву приняла, теперь вот она неприкаянная, а на мне груз лежит, может там, в миру они какой обряд сделают, и это поможет ей и мне? – грустно поведал очередной призрак.

Тут небо посветлело, стало светать. Сумчиха сказала остальным:

– Всё на этот раз, больше не успею!

Но тут её привлёк маленький холмик, на нём не было памятника, а рядом с холмиком призрак мальчика. Она спросила у него:

– Что ты хочешь передать, малыш?

– Я Митя, игрушка там под ступеньками крыльца лежит, птичка из шерсти сделанная, моя любимая игрушка, она грязная валяется, никому ненужная, пусть принесут мне, – сказал очень жалобно мальчик.

Ведьма подумала: да, дети, видно для них игрушки больше, чем просто игрушки, вот и там, на развалинах дома, на её хуторе, ведь тоже лежала чья-то игрушка, оставленная ребёнком как самое ценное у родного дома на пороге.

– Что ещё, малыш, я же вижу, ещё хочешь сказать? – спросило тихо она.

– Пусть мама с папой меньше пьют, и ко мне чаще приходят, и памятника мне не надо, лишь бы приходили, а ещё пусть дядька Петька, сосед, мою собачку не бьёт, она ко мне сюда бегаёт и скулит, – попросил малыш.

Сумчиху эта просьба мальчика настолько поразила, что она решила завтра начнёт с просьбы малыша, он настолько, бедненький, торопился высказаться, что даже не попросил, чтобы ему конфет принесли, а ведь дети, наверное, все любят конфеты.

В наступившую ночь Сумчиха пришла с новой силой, кончилось время, когда она не могла действовать полностью. Влада она застала, когда тот вечерял, ел брюкву, поливая её мёдом.

– Что, лакомишься? – ехидно спросила Сумчиха.

– Да... но тебе не предлагаю, ты же... ну, в общем... – ответил Влад.

– Видно, умнеешь потихоньку, коль не предлагаешь. Ты сегодня сам побудешь, а мне весточки по хутору передать надо, – сказала она, глядя мимо Влада.

– Тут такое дело, Дарья Ильинична, днём на улице Тимоху видел, так он сказал, что четверо странных мужиков так избили Егора Хратова, что тот лежит тяжёлый, поднялся бы, – осторожно рассказал Влад.

– А, ты вон о чём, это его сиги приучали, чтобы к Чёрной груше не ходил более, да в окна не заглядывал, за эти годы, слышишь, г-о-д-ы, никто ни одной груши не сорвал и не съел, даже с земли никто не поднял... никто, а тут, смотри, наглец, страх потерял, в окна заглядывает. Ты за него не думай, поправится. Ладно, пошла я, вон, доедай свою брюкву, да... там, на этажерке книга в кожаном переплёте, возьми и учи понемногу, пора уже, – возмущённо сказала ведьма.

В дом соседа мальчика Мити ведьма явилась в своём красном с чёрными зигзагами наряде, а чёрная шаль на голове усилила бледность её лица, от этого глаза казались ещё черней, блеск зрачков был ещё страшней.

Пётр, увидев ведьму, так испугался, что с криком кинулся в другую комнату, но не рассчитал и, ударившись о косяк двери, упал на пол, затем он стал лихорадочно креститься, пытаясь вспомнить какую-то молитву.

– Да брось ты, дурачина, руками махать, и слова, что ты говоришь, всего лишь слова и не более, не помогут они тебе, – раздражённо и зло сказала Сумчиха.

Пётр забился в угол и оттуда обезумевшим от страха взглядом смотрел на ведьму.

– Слушай сюда, паскудник, ты зачем собаку мальчика Мити бьёшь, что, с животиной сладил? – угрожающе спросила ведьма.

Она приблизилась и поставила красный свой сапожок на плечо Петра.

– Так вот, теперь ты будешь постоянно кормить, и жалеть пса! Ведь будешь!?! – продолжая угрожать, жёстко спросила она.

Пётр не мог вымолвить не слова и только мотал головой.

– А для того, чтобы ты не забыл, побудь листом осенним на ветру! – бросила зло она.

При этих словах его подбросило и с силой ударило о пол, потом ещё и ещё, он весь трясся и пытался безуспешно зацепиться за пол, но это не удавалось, ногти срывались, от этого пальцы были все в крови.

– Запомни, Пётр, я второй раз не приду. Ты понял, о чём я говорю? – спросила она.

Он ответить не смог, только всё тряс головой. Сумчиха поменяла свои планы и вернулась назад к

Чёрной груше. Она быстро прошла к столу, присев, молчала, видно было, что она о чём-то напряжённо размышляет. Влад первым нарушил молчание.

– Что-то не так, Дарья Ильинична? – спросил угодливо Влад.

– Не так?! Я сейчас расскажу тебе, что было на кладбище! – и она поведала, что и о чём просили призраки, рассказала и то, что она уже была у соседа мальчика Мити, затем сказала:

– А вот к родителям пойдёшь ты, потому что они часто пьяны и могут сдуру беды сделать, так что одевайся и иди, передай всё, что я тебе рассказала.

Влад мешкал, а потом тихо возразил:

– Ну, я ведь как бы и не знаю, как да что...

Ведьма посмотрела так, что он, схватив плащ, быстро вышел. Уже на улице начал обдумывать, что и как скажет родителям мальчика Мити. Было уже давно за полночь, когда он подошёл к их обветшалому неухоженному дому, окна светились тусклым светом, была слышна громкая пьяная речь.

Влад постучал. Дверь открыл Михай, человек с кудрявой головой, небритый, в грязных штанах. Это был отец Мити. Увидев, кто пришёл, он отпрянул вглубь сеней.

– Что так встрепенулся, я ведь не Сумчиха!?! – спросил Влад.

– Пламя и уголь одинаково жгут, – заикаясь, ответил Михай. Влад прошёл в хату и сел за стол, рядом сел Михай и стал наливать самогон.

– Ты погодь, Михай, с выпивкой, и жену зови, разговор у нас серьёзный будет, – сказал Влад твёрдо.

Пришла Нинка, в белой заношенной ночнушке, с опухшим лицом, одним словом, пьянь. Влад встал и взяв самогон, вылил его в стоящее ведро. Михай возмущаться не стал, промолчал.

– Слушай внимательно, Михай, и ты слушай, Нинка, больше вы пить самогон не будете, ясно!?! – в приказном тоне сказал Влад.

– Это ж, почему не будем? – кривляясь, возразила Нинка.

– Сегодня у меня ночная гостя была, Дарья Ильинична, это она меня послала и вот что передала, чтобы вы не пили больше и игрушку из под крыльца достали, да завтра же на могилу своего сыночка отнесли, – сказал Влад.

После сказанного Михай и Нинка словно протрезвели совсем, и испуганно смотрели широко раскрытыми глазами, боясь пропустить хоть слово.

– Так мы ж, поэтому и пьём, с горя, дитятку нашего поминаем, – заикаясь, оправдывалась Нинка.

Влад вспылит и почти крича, сказал:

– Я что, непонятно вам сказал? Ты, Михай, завтра же в город поезжай, денег заработаешь и в три месяца, чтобы памятник на могиле Мити стоял, а ты, мать, завтра же игрушку отнеси, и конфет тоже снеси, положи!

Он достал из кармана три рубля и положил на стол.

– Вы всё поняли? И упаси вас не сделать этого, тогда не я приду, тогда Сумчиха придёт, думаю, понимаете, что будет! – с угрозой добавил он.

Выйдя от Михая, он было уже направился домой, да внимание привлекла телега с домашними вещами, стоящая у Петра во дворе. Влад подошёл и, видя, как тот усердно таскает узлы с вещами, спросил:

– Куда собрался? Никак покидаешь Живицу? – язвительно спросил Влад.

Пётр, увидев его, от неожиданности испуганно замер.

– Ты бы, Петя, прежде подумал, как же ты издалече собаку Митину кормить будешь, не с руки ведь, да и лучше не злил бы ты Сумчиху, это я ведь в положение войти могу и смягчиться, даже пожалеть кого, а у неё другие порядки, плавиться от мольбы не станет, или ты не уяснил этого ранее!?! – сказал он.

Потом чуть помолчав, досадой в голосе добавил:

– Да я погляжу, с вами по-другому и нельзя, вот сегодня убедился!

Пётр, потупивши взгляд, стоял и слушал, затем как-то обиженно, по-детски сказал:

– Собака сама виновата, в огород лазит, – пролепетал он.

– Петь, ты бы лучше сходил на могилку малыша да сказал, что не будешь животину зря обижать, и вообще, живи по-правильному, чтобы осадка не было, а то ведь потом не исправишь, – поучал он Петра.

Влад вернулся к Чёрной груше. Как только он вошёл, Сумчиха подошла к нему и погладив его по щеке, сказала:

– Хорошо, молодец, всё по-умному сказал, и даже когда рассердился тоже по делу, их порой осекать надо.

– Ты, выходит, всё слышала или так, к слову? – спросил Влад.

– Слышала, конечно, слышала, Владушка, я ведь рядом была всё время, – ответила ведьма, поглаживая его по спине.

– Что, думала я слабинку дам? – дознавался Влад. Сумчиха не ответила на его вопрос, а начала говорить.

– Знаешь, что больше всего людей удерживает от плохого поступка?

– Догадываюсь, страх, – ответил он.

– Да, верно, но кроме страха ещё и суеверие, колдовство сильней всех законов, страшит их, – уточнила Сумчиха.

– Но я ещё не так силён, как ты, меня они так боятся, не будут, как тебя, – возразил он.

– Конечно, тебе не стать как я, но многому я тебя научу, а ещё половина дела делает молва, а также невежество, непонимание простых вещей. Люди по природе своей всё что-то просят, то у судьбы, то у богов, а дай им всё, что будет? Дай, к примеру, получать еду без труда – и они обленятся, делать ничего не будут, и так во всём. Людей во многом менять надо! Вот ты, когда я про желания к Миланьи говорила, как воспринял? Обиделся! Ишь ты, обидчивый какой, а тебе нужно время, измениться надо, а пока ты, как сырец, тебя вылепить надо таким, как полагается, сейчас вижу в тебе пока два начала борются, с одной стороны желание к чужой женщине, а с другой стороны, твоя совесть говорит, что не твоя эта женщина, раздвоенность рвёт тебя, ведь так, Владушка? – с запалом говорила ведьма, расхаживая по комнате.

– Да, так Дарья Ильинична! – согласился Влад.

– А скажи вот, а если, к примеру, вместо Миланьи Глафира была бы в голове у тебя или Агафья, тоже статная да красивая, ты бы также смотрел, с такими же желаниями или как? Я ведь для чего тебе про своего парня рассказывала, любовь это не просто чувство, оно делает людей выше, а пока в тебе простой мужик говорит. Когда в тебе заговорит высшее, то всё начнёшь понимать по иному, – заключила она.

– Но ведь все по-своему понимают доброту и любовь, – сказал он.

– Да, понимает каждый по-своему, но одинаково красиво все, так-то, – сказала Сумчиха.

– Да Дарья Ильинична, ведь тебя боялись, а знать не знали, а ты вон какая! – сказал Влад, широко раскрыв глаза.

– Да уж, не бабка в зипуне, идущая за гусями! – с иронией сказала она, громко засмеялась, затем сквозь смех добавила:

– Ладно, ложись, поспи, другой ночью начну тебя учить, оборотимся да по хутору пройдем или дальше, там поглядим.

Она ушла, как всегда, незаметно.

Влад спал плохо, всё крутился, сон всё не шёл, он торопил ночь, ему так хотелось скорее познать то, что давно не давало покоя, и только страх перед Сумчихой сдерживал его преждевременное любопытство.

Он вспомнил, как ещё мальчуганом бежал по пыльной дороге к озеру, и когда первый раз увидел Сумчиху, по сравнению с хуторскими женщинами, колдунья одевалась красиво и богато.

Она шла в тёмно-зелёном плющевом жакете с большими чёрными пуговицами, ниже юбка тоже зелёная, но светлее жакета на полтона, на ней были чёрные туфли с большими оловянными пряжками, на голове чёрная кружевная шаль, вообще она вся была как из какой-то скандинавской сказки, и когда она окликнула его, то он с интересом подбежал к ней и на вопрос, чей он, ответил, что Влад Човырёв.

Сумчиха внимательно посмотрела ему в глаза, затем погладила по голове и как-то по доброму сказала:

– Ты бегай пока, мальчик, играй от души.

Влад тогда ещё подумал, что её все так боятся? Тётка как тётка, ничего страшного в ней нет. Тогда в детстве среди местных мальчишек пределом храбрости считалось перепрыгнуть через забор Сумчихи, лихо пробежать несколько шагов во двор и быстро назад.

Мысли в конец сбили сон. Он встал и затопил печь, сходил к этажерке за книгой, что советовала ему ведьма, и стал читать, но никак не мог сосредоточиться, мысли уходили в сторону.

– Что не получается, трудно осмыслить? – за спиной стояла Сумчиха.

Теперь её появление больше не пугало его, он даже, наоборот, стал с интересом и каким-то нетерпением ждать её.

– Да вот пытаюсь вникнуть, что здесь написано, – сказал Влад.

– Ладно, положи книгу, возьми вон ту шкуру и неси к столу, да и чёрную шкуру прихвати тоже, – приказала она.

Ведьма подошла к столу и сдёрнула скатерть. Затёртая до блеска крышка стола была сплошь покрыта вырезанными знаками и рунами, знаки и руны образовывали круг, таких кругов было всего семь, семь кругов в свою очередь образовывали треугольник с одним кругом в центре.

Влад, не дожидаясь, пока Сумчиха что-то скажет, накрыл стол шкурами животных, ведьма улыбнулась и утвердительно кивнула головой.

– Раздевайся и ложись на чёрную шкуру, когда я буду говорить, ты не повторяй, главное – слушай и представляй, хорошо представляй, так, как в детстве, полностью погружайся в сказанное мною, – объяснила ведьма.

Он разделся и лёг на стол, предварительно закрыв окна, она легла рядом и предложила:

– Ну что, Владушка, сегодня кем побудем, кошками или собачками?

– А что, Дарья Ильинична, разве у нас большой выбор? – спросил Влад.

– Вообще-то в любое животное войти можно, но есть свои сложности во всём и в этом деле тоже, – объяснила Сумчиха.

– Ну, вам видней, в кого для начала, – сказал он, делая вид, что ему всё равно.

– Хорошо, свожу тебя в гости, удивлю тебя, очень удивлю, ну что, готов? – сказал задорно она, потирая ладонь о ладонь.

– Да вроде готов, – настороженно ответил Влад.

– Теперь слушай внимательно, всё делай, как говорить буду, и ещё раз скажу: главное – воображение. Тимохиных кошек хорошо представляешь? Так вот, представляй ту большую чёрную, а я вторую, серую для себя оставляю. Всё, расслабься, как после сенокоса на удобнейшей кровати. Представь серебряный шар где-то с яблоко размером, этот шар у тебя на груди, смотри на него, теперь представь себя маленьким и тыходишь внутрь этого шара, там уютно и красиво, как в светлице из сказки, дальше ты и шар слились в одно целое и катитесь по лужайке, вокруг цветы, ты чуеть их запах, потом катишься дальше по лесу, там поют птицы, ты их слышишь, слышишь это дивное пение, и вот ты прикатился к ручью, ты ощущаешь прохладу этого чистого ручья, ты сливаешься с ручьём в одно целое, теперь ты серебряный ручей, и ты бежишь дальше и дальше к свету, и вот ты вливаешься в голову этой чёрной кошки, прямо через глаза, теперь ты в голове и видишь всё как бы из головы кошки, ты должен увидеть её глазами, видишь кровь рядом течёт, влейся и в эту кровь, разлейся везде стань ей, стань ей, – всё это Сумчиха говорила по-особому, мягко, без выражения.

– Вижу, я вижу перед собой половицу, – воскликнул Влад радостно.

– Помни, надо быть рассудительным и холодным, без сильных эмоций, всё, Влад, дальше речи не жди, теперь по глазам будешь читать, и помни, что надо быть предельно осторожным, да, и обратно когда в своё тело возвращаться, нужно немного времени и нужно именно сюда вернуться, в Чёрную грушу, всё в обратном порядке выполнить, иначе застрять можно, ведь слова только с виду красивы, а так это ключ. Всё, нам пора, – ещё раз пояснила ведьма.

Они спрыгнули со стола, потом на подоконники, затем в маленькую форточку окна.

Две кошки шли по направлению к перелеску, серая ловко прыгала преодолевая разные препятствия, другая, чёрная шла медленно, неуверенно переставляя лапы. Серая, то и дело останавливалась, смотрела на чёрную и нервно подёргивала хвостом.

Влад всё не мог привыкнуть к четырём лапам, он машинально опирался на задние лапы, от этого передние приподнимались и движение замедлялось, а тут ещё новые ощущения, таких он не испытывал никогда, жалко, поделиться нельзя, нет такой возможности в этом чуждом положении.

Так что почти до самого леса он осваивал передвижение в кошачьем теле. Дальше пошло легче, и уже приближаясь к соседнему хутору, где жила Миланья, он шёл почти уверенно. Они бесшумно подошли к дому Миланьи.

Влад прыгнул на подоконник и стал всматриваться в щель между занавесками. Вдруг занавески резко отодвинулись, и перед ним появилось лицо Миланьи. От неожиданности он отпрянул и, не удержавшись, с шумом упал вниз на какой-то бочонок. В хате зажгли лампу, на порог вышла хозяйка, Сумчиха быстро приблизилась к вышедшей хозяйке и, мурлыкая, стала тереться о ноги, Влад наблюдал, спрятавшись у плетня.

– Ух ты, какая пушистая, ты, чья такая ласковая, голодная наверно, сейчас поесть вынесу, сейчас накормлю, – говорила заботливо Миланья, глядя кошку. Сумчиха смотрела на Влада, в её глазах то ли человеческих, то ли кошачьих, теперь уж и не понять, было озорство, видно, ей нравились такие похождения, такой весёлой и озорной вряд ли кто её видел.

На порог снова вышла Миланья, она несла миску с молоком и когда поставила миску перед Сумчихой, то кошка сделала несколько шагов к плетню и вновь ласково замурлыкала.

– А-а, так ты не одна, а я-то думаю, куда ты меня зовёшь, ишь какая умная, надо же, – удивлялась Миланья.

Она поставила миску ближе.

– Ешь, ну ешь. Что ты, боишься, что ли? Не бойся, – и она взяла на руки чёрную кошку и, прижав её к груди, стала гладить и говорить:

– Ну что дрожишь? Собаки наверно напугали, не бойся, черныш, не бойся. – Ведьма снизу ехидно наблюдала.

Миланья подвинула ещё раз миску поближе к кошкам и сказала:

– Ладно, ешьте тут, а мне пора ложиться, завтра рано вставать!

Было слышно, как она запирает двери, затем в хате погас свет.

Влад лапой опрокинул миску, и вяло направился к околице, следом пошла и Сумчиха.

К утру они вернулись в Чёрную грушу. Влад открыл глаза и молча лежал на колдовском столе, говорить не хотелось, он прокручивал заново проведённую ночь. Разговор начала ведьма:

– Что молчишь, я что, не удивила тебя? – спросила Сумчиха, улыбаясь.

– Удивила, конечно, Дарья Ильинична, вот никак не могу в себя прийти, а ещё я готов был сквозь землю провалиться со стыда, – ответил Влад.

– Это когда она тебя на груди держала или когда мордочкой в миску тыкала? – и она громко засмеялась, да так озорно, как будто в детстве, когда в догонялки-латки играла. Потом сказала уже серьёзно:

– Послушай, Човырёв, привыкай ко всему, ты теперь не просто мужичок, ты к знаниям приставлен, а это ох как серьёзно, многое по-другому осмыслить надо, а такое, как было этой ночью, больше для души. Иначе очень тяжело в нашем деле, можно и не сдюжить, так что это на вроде шалости расценивай.

– Но ведь для шалости и другую выбрать можно было, – сказал он.

– Э нет, Владушка, тогда всё по-другому было бы, тогда ты не так смутился бы, а коль так, какое же веселье от такой шалости. А что, кот за пазуху заглянуть успел? – и она вновь разразилась озорным смехом.

– Да ну Вас, Дарья Ильинична, мне и не смешно, – безразлично сказал Влад.

При этих его словах Сумчихи ещё сильнее залилась смехом и сказала:

– Ладно, хватит обижаться, следующее дело будет серьёзным, это я тебя, как говорится, малым учила, чтобы большое потом осилил. Придёт время, ты и лечить будешь, когда понимать начнёшь, что болезни людей начинаются там, вверху на уровне.

– А если не обратятся люди ко мне? – недоверчиво спросил он.

– Обратятся, обязательно обратятся и даже очень скоро это будет, ты вообще для них станешь и плохим, и хорошим, и вообще частью их жизни, для себя ничего не останется, и ты обижаться будешь, когда они неблагодарны будут, всё будет.

– Дарья Ильинична, а что ты всё на кладбище возвращаешься, оставалась бы тут у себя, – вдруг предложил Влад.

– Да нет, во всём свой порядок должен быть, хотя знаешь, если мой гроб у Чёрной груши перезахоронить, то я всегда рядом буду до определённого момента, но тогда другие трудности возникают, тебе лучше не вникать, а вообще, пусть будет, как положено. Ладно, спи, отдыхай, поди, настрадался сегодня! – и она, подмигнув, вновь рассмеялась, да так озорно, прям как девчонка.

Колдунья ушла. Но Владу опять не спалось, его не покидал запах мёда молока и сена, который исходил от Миланьи, когда она держала его на руках, но больше давило то, что женщина, которая так нравилась ему, вот так, как низшую тварь жалела его, и тыкала мордочкой в молоко. Ущемлённая гордость не давала покоя, а ведь сколько раз он представлял, что когда-нибудь, он предстанет перед ней наодеколоненный, в новых блестящих сапогах, в жилетке из дорогой ткани, а вышло как? Мордой в собачью миску, Сумчиха пошутила так пошутила. А может, не в насмешке дело, она ведь никогда ничего так просто не делает.

Влад попытался уловить скрытый смысл в действии ведьмы и, перебрав всё в голове, пришёл к выводу, что это было для Сумчихи просто весёлой потехой, ведь говорила же она, что бывает у неё такое веселье. Поразмыслив ещё немного, он успокоился, и вдруг сам разразился громким смехом.

– Мордой в собачью миску... рукой Миланьи... ха-ха, вот Дарья Ильинична, вот шкода! – сквозь смех говорил Влад.

Влад теперь и сам стал с нетерпением ожидать ночи, потихоньку он перестраивал себя на активную ночную жизнь, и даже торопил приход ночи, его жгло нетерпение. Колдовство полностью захватило его. Ещё долго было до темноты, а он уже ходил из угла в угол, хрустя пальцами, поглядывая в окошко, будто от этого зависело, во сколько придёт ведьма.

Она появилась как всегда неожиданно.

– Ждёшь кого? – сзади возле зеркала стояла Сумчиха.

– Вас жду, Дарья Ильинична, вот думаю, сегодня, что мы делать будем, куда пойдём или как? – полюбопытствовал он.

– Погодь, присядь, поговорим немного для начала. Тебя всё чаще уже называют Човырём, это хорошо, ты, значит, среди людей место своё взял. Это многого стоит, потом поймёшь. Знаешь, ведь в жизни всё так несовершенно, много такого, что никакими законами или другими вещами не выправишь. Вот, к примеру, взять тебя, тебе же нравится Миланья, её красивое лицо, осанка, ведь так? Так! В душе ты желаешь её, но ведь она не твоя. Дальше возьмём, у одного человека, допустим, есть конь породистый, красавец. Он гордо выезжает на нём, вызывая зависть, многие готовы убить его за коня, хотя притворно улыбаются ему в лицо. Эти желания и неправда потихоньку сворачивают душу как бы в свёрток, а потом остаётся просто пустышка, страшная, в любой момент готовая выкинуть всю мерзость, что накопилась в нём за годы притворства. Хорошо, если человек сильный, тогда устоит, только закалится и станет мудрым. Вот скажи мне, только правду скажи, если бы Миланья на ночь позвала, пошёл бы? Говори, не стесняйся, – сказала она всё это с расстановкой, сверля его глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.